

ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА И ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

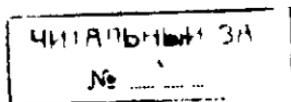
1

Советское языкознание, возрожденное трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути, переживает в настоящее время пору своего обновления, своей перестройки во всех основных своих частях и звеньях. Стройная и ясная теория марксистской науки о языке, объединившая и углубившая все высказывания Маркса, Энгельса и Ленина по вопросам языка, так лаконично и вместе с тем так всеобъемлюще, с такими широкими обобщениями изложенная И. В. Сталиным, потребовала коренного пересмотра всех лингвистических понятий. Для советских языковедов труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» стал основным руководством в научно исследовательской — теоретической, конкретно-исторической и практически-созидательной работе. Никогда не были так сложны, разнообразны и так ответственны задачи языковедческой науки, как в настоящее время. В сталинском учении о языке получили глубокое марксистское освещение все те общественные явления и категории, с которыми связан язык в своем развитии. Творческий марксизм характеризуется тем, что, открывая законы современного развития общества и ярко освещая его будущее его перспективы, он вместе с тем всесторонне отражает и научно обобщает весь исторический опыт прошлого. В новом свете, в свете творческого марксизма предстали перед советскими языковедами вопросы происхождения и развития народов и языков. Все антимарксистские построения так называемого «нового учения» о языке, выдававшегося акад. Н. Я. Марром и его «учениками» за последнее слово марксистской науки, рухнули под мощными ударами нестрасимой сталинской критики. Сталинское учение о языке дает языковедам верный компас для правильного и быстрого продвижения по подлинно научному пути, по пути разрешения основных проблем языковедческой науки.

«Известно, — говорит И. В. Сталин, — что теория, если она действительно является теорией, даёт практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела»¹.

Организация науки о языке на основе сталинских указаний, творческое развитие принципов марксистского языкознания, тесно связанное с применением их к исследованию самых разнообразных конкретных языков в их истории и современном состоянии, практическое содействие оформлению и развитию младописьменных национальных языков народов Советского Союза, решение неотложных вопросов культуры речи на базе сталинского понимания общественной сущности языка и его структуры — вот тот общий круг непосредственно очевидных целей, которые составляют содержание современной советской языковедческой

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 142.

науки. В конкретизации этих целей, а также в широком принципиальном их освещении должен помочь нам журнал «Вопросы языкознания», орган Института языкознания АН СССР. Его главные задачи: внедрение марксизма в языкознание, разработка актуальных проблем советской науки о языке в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», ликвидация последствий господства антинаучных взглядов Марра и его сторонников, проведение широких творческих дискуссий по важнейшим вопросам языкознания, оказание научно-методической помощи преподавателям языковедческих дисциплин в высшей и средней школах. Журнал «Вопросы языкознания» будет освещать на своих страницах вопросы марксистской теории языка, состояние и развитие языков народов СССР и зарубежных стран, вопросы письменности, терминологии и лексикографии, важнейшие моменты в истории нашего отечественного языкознания и разоблачать реакционную сущность буржуазной идеалистической лингвистики.

Задачи журнала «Вопросы языкознания» выступают в более конкретном и расчлененном виде, если мы подвергнем беглому обзору состояние и развитие советского языкознания после появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

2

С появлением работ И. В. Сталина по языкознанию советская лингвистика получила научно обоснованное, марксистское решение ряда основных теоретических вопросов языка и языкознания. Это, конечно, не означает, что у нас уже имеются готовые ответы решительно на все вопросы языковедческой науки. Многие важные вопросы еще предстоит решить, опираясь на сталинское учение о языке и законах его развития, на заложенную им базу общего марксистского языкознания.

В процессе перестройки научно-исследовательской языковедческой работы советские лингвисты еще не подошли вплотную к некоторым очень существенным проблемам теории языка, еще не приступили к конкретному и глубокому марксистскому их исследованию. Таковы вопросы, относящиеся к изучению связи языка и мышления, а также истории языка в связи с историей мышления; о соотношения грамматики и логики, о закономерностях исторического развития категорий мышления и грамматических категорий, о взаимосвязи между развитием мышления и совершенствованием грамматического строя языка, об образном и понятийном мышлении, о слове, значении и понятии, о суждении и разных типах предложения, о способах выражения и отражения в языке форм и законов мышления и содержания мышления, мировоззрения, о влиянии базиса и идеологических надстроек (политических, философских, эстетических и других взглядов) на развитие словарного состава языка, о научной терминологии в связи с методологическими основами разных научно-философских теорий и т. п.

Исследование этих вопросов неотделимо от критики буржуазно-идеалистических теорий в этой области, тем более, что некоторые лингвисты из стран народной демократии еще продолжают тянуть за собой груз таких воззрений. Например, румынский академик А. Росетти во втором издании своей книги по теории слова², изданной в 1947 г. в Бухаресте и Копенгагене, ссылается на утверждение Балли и Сэпезе, что «всякая, даже самая простая, идея по существу не передаваема; язык дает лишь схематический и извращенный образ» (стр. 10), и уверяет, что «язык не

² A. Rossetti, *Le mot. Esquisse d'une théorie générale.*

в состоянии точно воспроизводить действительность, он не дает полного выражения действительности, следовательно, язык не точен и произволен» (стр. 12). Подобного рода идеалистические теории, отрывающие мышление от языка, неприемлемы для советского языкознания.

Показательно также у Росетти отнесение языка, сближаемого с идеалистическим представлением о «логосе», к духовным функциям или деятельности, отличным от природы реально существующих вещей (стр. 40). В советском языкознании изучение и понимание общественных функций языка неотделимы от марксистского определения сущности языка как специфического общественного явления и от марксистского освещения законов его развития в связи с историей общества.

И. В. Сталин — впервые в истории науки о языке — с поразительной ясностью и строгостью мысли определил специфику языка как общественного явления и указал основную, главную его функцию — быть средством общения и обмена мыслями между всеми членами общества. Вопрос о других функциях языка, например, выразительной или художественно-образовательной, требует изучения и творческого решения. От всестороннего освещения проблемы функций языка зависит понимание неразрывной связи истории языка с историей общества, выяснение роли языка как формы национальной культуры, раскрытие связи истории языка и истории мышления, изучение процессов воплощения содержания мысли в слове, определение значения языка как первоэлемента и основного материала литературы. С вопросами об общественной сущности языка, об его функциях и структуре тесно связан и вызвавший много разногласных толкований коренной вопрос истории языка — вопрос о внутренних законах развития языка. Наш журнал должен в ближайших номерах откликнуться на споры и дискуссии по этому вопросу. Ведь от его решения зависит дальнейшая разработка марксистской теории исторического изучения языков. Кроме того, к этому вопросу органически присоединились такие вопросы, как вопрос о структуре языка, о взаимосвязанности и взаимобусловленности развития всех сторон языка, о разных темпах изменений «основы языка» и подвижных частей его словарного состава, о формах и типах качественных изменений в языке, об интеграции или концентрации этих изменений, подготавливающей переход языка от одного качества к другому, о разных видах или категориях внутренних законов развития языка, о диалектической связи внутренних законов развития отдельных конкретных языков с внутренними общими законами развития каждого языка, вытекающими из общественной сущности и структуры языка, об однородных тенденциях развития семьи родственных языков и о разных формах воплощения этих тенденций в истории отдельных языков и т. п.

Марксистская постановка и марксистское решение многих вопросов общего языкознания, например, таких, как вопрос о «знаковости» языка, об историзме как принципе языковедческого исследования, о соотношении описательной и исторической грамматики, о содержании и задачах семасиологии, о закономерностях развития словарного состава языка и т. п. тесно связаны с разоблачением реакционных буржуазных теорий в области языкознания.

Внедрение марксизма в языкознание требует решительной борьбы со всеми антинаучными идеалистическими теориями и выводами буржуазных языковедов. Огонь научной критики должен быть направлен, с одной стороны, на борьбу с идеалистическими теориями, имеющими широкое хождение в западноевропейской буржуазной науке, а с другой, — против вульгарно-материалистических взглядов, при помощи которых буржуазные языковеды (так же, как еще совсем недавно «ученики» Н. Я. Марра)

иногда пытаются опорочить и дискредитировать марксистско-ленинское учение о языке.

Духовное оскудение и маразм охватили идеологическую надстройку современного буржуазного общества. Это находит прямое отражение в развитии лингвистической науки на Западе.

Идеализм в области языкознания за последние десятилетия заметно активизировался. Основным его источником является зарубежная идеалистическая философия языка. Именно «философия языка» питает расистские утверждения американско-английских империалистов.

Реакционная буржуазия и ее «философы» как огня боятся материалистического объяснения истории народов и их языков. Исторический подход к общественным явлениям привел бы к опасным для капитализма выводам. Поэтому основной тенденцией, наиболее характерной для идеалистической зарубежной лингвистики, является отход от историзма, отказ от исторического изучения языка. Эта тенденция характерна для самого влиятельного течения зарубежного языкознания — содиологического направления и его логического продолжения — структуральной лингвистики.

Структурализм — учение о структуре языка. «Чтобы глубже проникнуть в сущность структуры, надо установить те постоянные, необходимые и, следовательно, конститутивные отношения, которые имеют место между элементами структуры», — заявляет структуралист Брёндаль в программной статье о структуральной лингвистике. Он ополчается против исторического и сравнительно-исторического изучения языков: «Сравнительная грамматика — детище XIX века... Вдохновляемая интересом романтизма к древности, к идее непрерывности ряда поколений, она прежде всего исторична... В действительности же, важным для любой науки является постоянное, устойчивое, тождественное... Время — препятствие для всякой рациональности»³ (т. е. для идеалистического выделения мнимого вневременного «разумного» ядра «сущности»).

Конкретное изучение языка структурализму представляется в таком антиисторическом и извращенно-схематическом виде: «Для установления языка (или единицы языка, отождествленной посредством синхронного изучения) собираются все варианты в виде мнимального количества основных и абстрактных типов, реализацией которых эти варианты являются. Опускается решительно все, что с этой точки зрения может расцениваться как незначительное или неустойчивое и чисто видуальное»⁴. Разумная абстракция, таким образом, превращается в свою противоположность. Из языка как объекта изучения выбирается все то, что не укладывается в установленные структуралистом схемы и нормы и что свидетельствует об историческом развитии языка, о специфических особенностях его структуры как «продукта ряда эпох».

При таком подходе к фактам языка об историзме не может быть и речи. Отказываясь от исторического изучения языка, структуралисты ориентируются на статическую, метафизическую грамматику, устойчивость и произвольность которой получили в свое время резкую отрицательную оценку еще со стороны Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге». «Путем сопоставления всех существующих или известных синхронных состояний, — пишет Л. Ельмслев, — можно установить панхроническое состояние, абстрактную систему категорий (языка), которая дает нам материал для общего и основного психологического и логического описания»⁵. В этом рассуждении антиисто-

³ Acta linguistica, I. Brøndal, Linguistique structurale, p. 7.

⁴ Там же.

⁵ L. Hjelmslev, Principes de grammaire générale, Копенгаген, 1922, стр. 214.

ризм, отрывает мысли от языка, а языка от истории народа — создателя и носителя этого языка — достигает предела. Структурализм пренебрегает спецификой национальных языков, он стремится к созданию общей грамматики, ищет факты «общечеловеческие», космополитические, стойко действующие на протяжении истории и дающие знать о себе в строе любого языка.

В отрицании историзма и самобытности развития национальных языков с структуралистами сближаются и представители другого реакционного течения в буржуазной лингвистике — так называемые «семантики», последователи «семантической философии». Отрицание национальных языков как продукта исторического развития и как общенародного достояния связано у семантиков со стремлением оторвать познание и мышление от реальной действительности, а у некоторых из них также с отрицанием устойчивости структуры отдельного народного языка и особенно наличия устойчивых общенародных значений слов. Изучение «предметного языка», т. е. отдельных национальных, реальных, исторически сложившихся языков, по мнению одного из наиболее видных буржуазных семантиков — Карнапа, не может привести к открытию законов общего «символического» языка, потому что такое изучение будто бы неизбежно сталкивается с «фикциями, загромаждающими вселенную несуществующими вещами» (к числу этих «фикций» относятся семантиками, между прочим, и действительность национально-освободительных движений и социальной борьбы).

Между тем для подлинной науки важно как раз то, что составляет специфику конкретного языка. По словам К. Маркса, «... хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»⁶.

Антиисторизм — знамя идеализма современной зарубежной лингвистики. С антиисторизмом структурализма находится в непосредственной связи биологизация языка, сведение его общественной сущности к психологическим и биологическим функциям человека. Структуралисты говорят об особом «элементарном» родстве языков, покоящемся на человеческой природе, на общих законах, якобы управляющих человеческой психологией. Л. Ельмслев утверждает: «Тот самый факт, что глагол встречается в самых различных областях, заставляет нас полагать, что глагол — это категория, которая зависит от лингвистической склонности человека вообще»⁷.

В противовес основателям сравнительно-исторического языковедения, которые утверждали, что «грамматика общая и философская должна быть исключена из реальных языков, если она не хочет стать химерой» (Р. Раск), современное буржуазное языковедение выдвигает принцип универсального сравнения языков, отвергающий историческое их изучение. Все чаще в зарубежной идеалистической науке раздаются голоса, что генеалогическое родство не является единственным существующим между языками и что нельзя ограничиваться только им при исследовании языков мира и тенденций их развития. Теория об общем родстве всех языков, иначе говоря — «о единстве глоттогонического процесса»⁸ лежит в основе многих исследований Уленбека, Тромбетти, Шухардта, Бюлера, ван-Гиннекена и других буржуазных языковедов. И. В. Сталин, дав глубоко научную критику антимарксистских работ Марра и вскрыв идеалистичность марровского четырехэлементного анализа, исчерпывающе показал, что

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 175.

⁷ L. Hjelmslev, Цит. соч., стр. 267.

никогда и нигде мышление не может существовать в «свободной от природной материи технике» (как думал Марр и как идеалистически истолковывают буржуазные языковеды вопрос о связи языка и мышления). Сторонники универсального сравнения языков, так же как и Марр, исходили и исходят из идеалистического допущения «чистого мышления», свободного от «природной материи», от материальной оболочки языка.

«Социологический» подход к языку, демонстративно выдвигаемый в буржуазном языкознании, в учении де Соссюра и его школы на самом деле приводит к отрицанию общественной сущности языка. Непонимание общественной сущности языка и роли языка в обществе, идеалистическая трактовка самого общества как суммы индивидуумов вызвали искусственное и объективно неоправданное членение истории языка на «внешнюю» и «внутреннюю», а также противопоставление «синхронии» и «диахронии», приведшее, в конце концов, к «панхронии» и «ахронии», т. е. к отрицанию законов истории языка как общественного явления.

Современные англо-американские лингвисты, будучи не в силах приблизиться к правильному пониманию общественной роли языка, сознательно стремятся запутать вопрос о характере и сущности языка, стремятся подорвать любовь народов к своему языку как к орудию общения людей, к национальному языку как форме национальной культуры, орудию их борьбы и познания закономерностей объективного мира. Буржуазная лингвистика в лице семантической философии стремится исключить, вытравить из языка всякое объективное содержание. Это связано с тем, что во всех языках содержится много неприятного для современных реакционеров. Ученые прислужники американских империалистов призывают, например, к замене таких терминов, как «капитализм», «эксплуатация» и пр. новыми наименованиями, чтобы воспользоваться фальсифицированным «языком» для защиты реакции.

«Слова не соответствуют событиям», «всемирная война вокруг слов испортила человечество» — вот оценка общественной роли языка у семантиков. «Реформа языка», «лингвистический переворот», который должен быть произведен по инструкции семантиков, т. е. во славу американского империализма, выдвигается как средство спасения человечества, как средство устранения социальных противоречий. По мнению некоторых семантиков, достаточно переменить названия, чтобы изменилась сама действительность.

В англо-саксонских странах получила большое распространение «теория» датского лингвиста Есперсена о превосходстве языков аналитического строя над языками синтетическими. Оказывается, что первобытный язык будто бы был по своему строю «синтетическим», то есть близким по способам выражения грамматических значений к русскому и большей части других славянских языков, а последующий прогресс в развитии языка якобы связан с переходом языка к аналитическому типу, характерному, например, для английского языка. Расистские выводы, следующие из теории Есперсена, служат агрессивным целям американско-английских империалистов, которые тщетно стремятся доказать превосходство английского языка над всеми другими национальными языками и навязать его народам в качестве мирового языка.

И. В. Сталин в свое время дал отповедь американско-английским расистам. Он сказал:

«Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже

с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершать судьбы всего мира.

По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда всё будет в порядке,— в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство»⁸.

С вопросами общественного развития языка, а также с изучением строя языков тесно связано определение сущности языкового знака. Эта проблема занимает видное место в западноевропейской идеалистической лингвистике. Проблему языкового знака пытался разрешить де Соссюр; этот вопрос — один из центральных в семантической философии. Язык объявляется системой знаков, выражающих представления (идеи). Вопрос о языковом знаке, значении, понятии и отражаемой этим понятием действительности, вопрос о социальной мотивированности значений языковых знаков в структуре общенародного языка, о произвольности языкового знака в отношении говорящего индивида и о характере его «произвольности» в отношении обозначаемого — все это чрезвычайно важные вопросы и для советского, марксистского языкознания. Понимание языка как системы знаков может быть истолковано и в материалистическом и в идеалистическом духе. Именно идеалистическое истолкование сущности языкового знака является критерием при оценке «социологизма» де Соссюра и его школы.

В концепции де Соссюра противопоставляются друг другу «речь» (речевой акт), как индивидуальное явление, и «язык», как социальный продукт речевой деятельности. Отсюда делается вывод, что язык может существовать независимо от говорящего индивида в качестве некоей надиндивидуальной сущности, относящейся к сфере социальной психологии. Определение языкового факта как психического по природе вытекает из соссюрского понимания языкового знака. По Соссюру, языковой знак представляет собой «комбинацию понятия и акустического образа», который признается «психическим впечатком звука».

Таким образом, система знаков у Соссюра целиком оказывается в царстве психического. Социологизм де Соссюра не только не мог освободить языкознание от индивидуалистического психологизма Пауля, Вундта и младограмматиков, но стал основой абстрактного психологизма в собственной концепции Соссюра. Трактовка де Соссюром языка и законов его развития является идеалистической. В языковом знаке, по Соссюру, и «обозначаемое» и «обозначающее» равным образом психичны, в равной степени принадлежат «внутреннему опыту». Языкознание в понимании Соссюра изучает язык не в отношении его к истории мышления, не в отношении к истории общества, к истории народа, оно имеет дело с языком как замкнутой в самой себе системой знаков. Отсюда вывод: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»⁹.

⁸ И. В. Сталин, Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г., Госполитиздат, 1946, стр. 4—5.

⁹ Курс общей лингвистики, стр. 207. Ср. дискуссию структураллистов о языковом знаке в Acta Linguistica, I, II, III и IV, в Studia Linguistica, в Travaux du cercle linguistique de Copenhague и др.

Основные теоретические положения этой «социологической» школы и ее буржуазных ответвлений диаметрально противоположны сталинскому учению о языке, которое исходит из диалектико-материалистического понимания общественной сущности языка.

Позитивистическая философия, состоящая на вооружении американских империалистов, и в особенности «школа» реакционных семантиков, охотно пользуется концепцией де Соссюра. Семантики также сводят человеческую речь к отвлеченной, не связанной с объективным миром системе знаков. Весь процесс мышления, познания закономерностей природы и общественной жизни объявляется ими произвольным набором таких знаков. По утверждению Р. Карнапа в его книге «Логический синтаксис языка», вещь, объект, свойство, отношение, факт, процесс, действие, пространство, время, количество — беспредметные, бессмысленные слова. То, что мы вынуждены пользоваться этими словами, есть лишь результат несовершенства языка слов. Любая наука при помощи разных софистических ухищрений у семантиков подменяется анализом знаков и их взаимоотношений, оторванным от общественной жизни. «Язык, — по мнению семантика Морриса, это — ряд применяемых во многих ситуациях сопутствующих знаков, ограниченных возможными способами их комбинирования»¹⁰.

В представлении семантиков объективная правильность той или иной научной теории или политической идеи зависит не от того, отражает ли их словесное выражение законы развития объективной действительности, а только от взаимного согласования словесных знаков. Эти семантические хитросплетения достигают предела, когда объявляются произвольными и чисто субъективными формы языка, состав предложений, их взаимная связь и т. д. Язык, по мнению семантиков, не имеет отношения к познанию, ибо познание объективного мира невозможно. То, что не входит, не укладывается в схему семантика-солипсиста, отбрасывается прочь. Мир оказывается логическим построением. «Философия» прагматизма верно охарактеризована М. Корнфортом: «Это система словесного надувательства, которая путем схоластической игры словами пытается избежать вопроса о реальных отношениях вещей»¹¹.

Гносеологической основой семантической «философии» является субъективный идеализм, махизм. Цель, преследуемая этой «философией», оперирующей языковым материалом, — оторвать содержание и логическое значение понятий от развития объективного мира. В писаниях семантиков отчетливо выступает стремление подменить философские, мировоззренческие категории языковыми, а затем тот же подлог произвести с категориями общественной жизни, выражающими взаимоотношения людей в общественном производстве. Именно поэтому «семантическая философия», «философия языка» становится в руках американских капиталистов орудием социальной реформы. «Если бы знание семантики было всеобщим и люди стремились бы избежать неудач при общении, то катастрофа (понимай: социальная революция) едва ли смогла начаться», — пишет семантик Чейз¹².

И. В. Сталин разгромил произвольную манипуляцию грамматическими формами и словарным составом языка, представленную в «учении» Марра и во многом смыкавшуюся с буржуазно-идеалистическими концепциями зарубежных языковедов. Он показал, что историю языка нельзя отрывать от истории общества, потому что объективный, материальный мир в его развитии является источником развития языка.

¹⁰ C. Morris, Signs, Language and Behaviour, стр. 36.

¹¹ М. Корнфорт, В защиту философии, М., 1951, стр. 41.

¹² S. Chase, The Tyranny of Words, стр. 15.

Разоблачение буржуазно-идеалистических взглядов по вопросам теории языка — одна из важных задач, стоящих перед журналом «Вопросы языкознания».

3

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» выдвинул перед лингвистами новые большие задачи в области исторического исследования отдельных языков (в первую очередь русского языка). Среди них, как уже указано, особенно значительна задача изучения внутренних законов развития языка и связи истории языка с историей народа.

Одним из основных вопросов исторического языкознания является вопрос о различных в грамматическом строе языков, о грамматической структуре языка и законах ее развития. Ни в одной области языкознания нет такого количества спорных и неразрешенных проблем, как в области грамматического строя. Следует со всей прямотой указать, что в большинстве языков народов СССР еще до сих пор не исследованы в достаточной мере и не имеют общепризнанного толкования такие, например, важные стороны грамматики, как части речи (со свойственными им категориями) и типы предложений. Вопросы о числе и сущности частей речи в каждом языке, о границах между такими классами слов, как имя существительное, прилагательное и наречие, об основных грамматических категориях глагола: виде, залоге, наклонении и времени, о границах простого и сложного предложения и пр. интенсивно, но далеко не всегда успешно и часто очень разноречиво обсуждаются в статьях, диссертациях и монографиях по разным языкам нашей страны и зарубежным. То в той, то в другой национальной республике у нас разгораются дискуссии по общим и более частным грамматическим вопросам, связанным с исследованием грамматического строя данного национального языка, например, о сущности родительного падежа, о наличии или отсутствии винительного падежа (по отношению к осетинскому языку), о критериях различения дополнения и обстоятельства, о посессивном спряжении глагола, о придаточных предложениях и т. д. и т. п. Неразработанность общих вопросов грамматики — печальный плод господства «теории» Марра.

Эти и многие другие вопросы требуют срочного разрешения. Они непосредственно связаны со школьным преподаванием и с составлением учебников по национальным языкам для начальной, средней и высшей школ. Между тем большая часть республиканских академий наук и их лингвистических институтов не отражает в своих планах интереса к теоретическим вопросам грамматики, чаще всего ограничиваясь составлением общих грамматических пособий учебного характера.

Серьезное теоретическое разрешение всех этих вопросов может быть осуществлено только посредством глубоких исследований исторических грамматик конкретных языков, посредством изучения грамматического строя данного языка в сравнительно-историческом аспекте, с привлечением всей совокупности грамматических явлений не только изучаемого языка, но и родственных языков внутри данной языковой группы и семьи.

Институты языка и литературы филиалов АН СССР и союзных Академий, обладающие уже достаточными кадрами высококвалифицированных лингвистов, докторов наук, должны включать в производственные планы своей работы не только предназначенные для практических, педагогических целей сравнительно-сопоставительные грамматики данного национального языка и русского или двух соседних родственных языков, но и сравнительно-исторические грамматики, если не всей данной семьи языков, то, по крайней мере, той группы языков, которая является наиболее

близкой и родственной данному языку¹⁸. Задача нашего журнала — помочь в постановке и решении основных проблем грамматической науки — в свете сталинских указаний.

По указанию И. В. Сталина, вместе с грамматическим строем языка и в тесной связи с ним, сущность специфики общепародного языка, его основу составляет также основной словарный фонд.

Проблемы лексикологии, охватывающие весь круг тем, связанных с изучением основного словарного фонда и словарного состава, до появления основополагающих работ И. В. Сталина почти не были предметом изучения наших языковедов, особенно специалистов по младописьменным языкам народов Советского Союза. Сторонники теории Марра, гордившиеся тем, что они будто бы обращают главное свое внимание на лексику и семантику языка, не дали ни одного исследования по истории словарного состава какого-либо конкретного национального языка.

Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка ставит перед языковедами ряд сложнейших проблем. Процессы развития словарного состава языка, который, будучи непосредственно связан с производственной деятельностью человека, а также со всеми другими сферами его деятельности, подвержен наибольшим изменениям в истории языка, отношение и объем основного словарного фонда и словарного состава в разные эпохи развития языка, взаимодействие лексики и грамматики, внутренние законы развития основного словарного фонда каждого языка, закономерности словообразования, история словарного состава и процессы лексического взаимодействия языков, заимствования слов из других языков, их причины, способы национализации заимствований, вопросы о семантических связях слов, о процессах развития и изменения семантики слов, об явлениях омонимии и синонимии, история значений и этимологии слов, мертвая аффиксация как след грамматического развития слов и т. д. — все эти теоретические вопросы лексикологии ждут своего разрешения на материале многочисленных национальных языков народов СССР.

Кроме изучения грамматического строя и основного словарного фонда, а также всего словарного состава языка в целом, большое значение для разработки вопросов исторической лексикологии и грамматики имеют также исследования фонетической структуры конкретных языков и ее закономерностей. Эти исследования должны быть связаны с решением общих теоретических вопросов фонетики, а также фонологии, основные понятия которой требуют коренного пересмотра с позиций сталинского учения о языке. Глубокое изучение звукового строя многих языков народов Советского Союза у нас только еще начинается. Между тем для некоторых отдельных языковых групп, например для тюркской семьи языков, типологически и материально весьма близких между собой, фонетические соответствия и различия чрезвычайно важны.

Школа Марра, рассматривавшая фонетику языка в отрыве от самого языка, от внутренних законов его развития, игнорировала фонетические законы и закономерности. При помощи пресловутого четырех-элементного палеонтологического анализа Н. Я. Марр и его «ученики» сопоставляли факты разных языков, не обременяя себя знанием конкретной истории языка, не считаясь ни с какими фонетическими законами.

Многие ученики Марра прямолинейно рассматривали процесс фонетического развития как процесс дифференциации так называемых диффуз-

¹⁸ В настоящее время даже сравнительно-сопоставительная грамматика представлена в плане только двух «тюркоязычных» академий: Узбекской (В. В. Решетов) и Туркменской (З. Б. Мухаммедова).

ных звуков и трансформации их в социально отработанные «фонемы». При этом нередко характерные для отдельных языков фонетические закономерности объявлялись вредными пережитками, мешающими дальнейшему развитию этих языков.

Так, например, характерный для тюркских языков закон сингармонизма был признан «реакционным законом», с которым каждый лингвист должен бороться; языки, где этот закон был выражен слабее, квалифицировались как более прогрессивные, передовые, а языки, где этот закон был выражен в большей мере, считались языками отсталыми.

Изучение фонетической структуры является одной из очередных задач исследования каждого конкретного языка. Как и все другие явления языка, фонетические закономерности должны изучаться в сравнительно-историческом аспекте, путем сравнения фонетических явлений одного языка с теми же или аналогичными явлениями других родственных языков.

Появившиеся в Советскую эпоху исследования по фонетике отдельных языков и групп языков: киргизского (проф. И. А. Батманов), угро-финских (проф. Д. В. Бубрих), тунгусо-маньчжурских (проф. В. И. Цинцлус) и др. — представляют собой значительный шаг вперед, хотя и требуют пересмотра в общетеоретическом плане после выхода в свет работ И. В. Сталина.

С проблемой изучения фонетической структуры языка теснейшим образом связана разработка практических вопросов языковедения: усовершенствования и уточнения алфавита и орфографии, установления норм орфоэпии, разработка фонетической транскрипции и др.

Так называемое «новое учение» о языке нанесло большой вред изучению национальных языков и разработке вопросов исторического языковедения; все пороки учения Марра отразились и на практике изучения языков народов СССР. Антиисторизм мешал изучению основных вопросов истории, диалектологии, лексики, грамматического строя конкретных языков и процессов их развития в связи с конкретной историей данного народа. Все языки в этом отношении рассматривались изолированно, вне их родственных связей, или служили поводом для стадийно-фантастических упражнений. Сравнительно-исторический метод был изгнан из практики исследовательской работы. Работы по исследованию конкретных языков были низкого теоретического уровня.

Гениальные работы И. В. Сталина по языковедению создали новую эпоху в изучении языков народов СССР. Углубленное изучение структуры разных языков мира — в свете сталинского учения о языке — должно проводиться неуклонной борьбой против вульгаризаторской теории акад. Н. Я. Марра и всех ее ответвлений, возникших у ближайших его «учеников».

Теория Марра пустила глубокие корни не только в общем языковедении, она укоренилась и в исследованиях по частному языковедению и по конкретным языкам. Однако анализ ошибок марровского толка, допущенных некоторыми языковедами в своих работах, еще не получил своего полного выражения ни в общественных выступлениях, ни в печатных работах бывших сторонников и продолжателей «нового учения» о языке.

Институты языка национальных республик и областей, наряду с развернутой критикой исследований, написанных в духе Марра, должны вести более энергичную творческую разработку основных положений сталинской науки о языке на материале конкретных национальных языков.

Важнейшей проблемой, которая должна быть изучаема с полным учетом богатейшего опыта наших национальных республик и областей, является проблема развития языков социалистических наций. Эта проблема может быть разрешена только в результате кропотливого и глубо-

кого исследования грамматического строя и словарного состава самых разнообразных языков народов Советского Союза.

С решением этой проблемы тесно связано изучение таких важных вопросов теории и истории языка, как вопрос о взаимодействии языка и диалектов в разные периоды общественного развития, вопросы этногенеза и происхождения давнего национального языка в свете трудов И. В. Сталина о языке.

Теоретическая и методологическая проблематика в этом направлении должна получить гораздо большее отражение в планах научно-исследовательской работы институтов национальных республик и областей наряду с конкретными темами и проблемами изучения данных национальных языков. Наш журнал должен помочь выдвижению и постановке общих вопросов исторического и сравнительно-исторического языковедения на материале истории разных национальных языков Советского Союза.

На основе узловых теоретических вопросов необходимо развернуть дискуссии по общим и конкретным лингвистическим проблемам. Такого рода дискуссии пока еще не получили широкого распространения не только в национальных республиках, но и в центральных научных языковедческих учреждениях.

Общий принцип марксистского языковедения — требование изучения конкретных языков в связи с историей народов, их носителей, ставит перед языковедами проблему изучения истории и диалектологии языка в непосредственной связи с историей народа.

Прежние работы по истории и диалектологии конкретных языков носили, как правило, эмпирический характер. Исследования по диалектологии обычно представляли собой простую регистрацию фактов взаимодействия и отгалкиваний, расхождений между данным литературным языком и конкретным диалектом без должных обобщений и выводов в историческом плане. Между тем, именно диалекты и являются одним из важнейших источников изучения истории языков и в особенности бесписьменных. Надо надеяться, что «Диалектологический атлас русского языка», отдельные части которого уже начинают подготавливаться к печати («Атлас говоров центральных областей к востоку от Москвы»), послужит надежной базой для исследований по истории русского языка и что по этому образцу, уссовершенствуя и развивая дальше как методику «лингвистической географии», так и принципы диалектологических изысканий, наши специалисты по разным языкам народов Советского Союза создадут фундаментальные исследования по истории и диалектологии этих языков и широко разведут горизонт сравнительно-исторического языковедения.

Труды И. В. Сталина по языковедению дают нам твердую основу для нового построения исторической диалектологии и требуют в дальнейшем пересмотра методологии и теории диалектологической работы на местах. С этой точки зрения должны быть подвергнуты строгому критическому разбору имеющиеся у нас диалектологические труды (например, по диалектам русского языка — проф. Е. Ф. Будде, проф. Д. К. Зеленина, акад. А. А. Шахматова, проф. П. А. Расторгуева, проф. Р. И. Аванесова и др., не говоря уже о диалектологических работах сторонников «нового учения» о языке: проф. Н. П. Гринковой, Ф. П. Филина, М. Д. Мальцева и др.; по диалектам азербайджанского языка — проф. Ширалиева, татарского языка — Л. З. Зялий и др.). В некоторых республиках, например, в Казахстане (проф. С. Аманжолов) диалектологические исследования привели к явно неправильным, ложным выводам о принадлежности конкретных территориальных диалектов к определенным родовым и племенным группам, с которыми давно уже утеряна связь диалектных различий языка.

В некоторых национальных республиках и областях вопросам диалектологии не уделяется должного внимания. Собранные по диалектам материалы не публикуются и не обобщаются (например, в Туркмении, Узбекистане, Якутии, Хакассии, хотя в каждой из этих республик и областей собран уже значительный диалектологический материал).

Не менее важное значение для национальных республик и областей, входящих в Советский Союз, имеет изучение истории образования, сложения и развития соответствующих национальных языков.

В некоторых национальных республиках и областях до сих пор еще не начата разработка научной истории соответствующих языков и даже не везде найден правильный методологический подход к этой разработке. Во многих случаях наблюдается тенденция к подмене вопроса о начальном этапе сложения того или иного национального языка вопросом оформления и закрепления национального языка в литературе. Так, некоторыми языковедами Казахстана время деятельности классика казахской литературы Абая признается периодом сложения казахского языка и как национального и как современного литературного. При этом — без учета конкретных исторических условий развития Казахстана в конце XIX столетия — роль Абая механически уподобляется роли Пушкина в истории русского литературного языка, против чего справедливо возражает М. Ауэзов.

В самом деле, Пушкин жил и творил в эпоху сравнительно далекую от начального этапа формирования русского национального языка (XVII в.); ко временам Пушкина русский литературный язык уже имел многовековую славную историю своего исторического развития. А между тем Абай жил и творил в эпоху, когда казахский язык только что начал складываться в качестве национального, когда казахский народ в силу исторических условий восточного средневековья не имел многовековой письменной литературы, когда социально-экономические и культурно-исторические условия в Казахстане были совершенно иными, нежели в России начала XIX столетия. Всем этим нисколько не умаляется историческая роль великого казахского просветителя и писателя Абая, как не умаляется роль М. В. Ломоносова, когда говорят о Пушкине как о родоначальнике современного русского литературного языка.

Само собой разумеется, что в тех случаях, когда речь идет¹ о таких младописьменных языках, носители которых консолидировались как нации в Советскую эпоху, время сложения этих языков как национальных действительно совпадает со временем оформления их в качестве литературных (таковы, например, якутский, бурято-монгольский, каракалпакский, алтайский, хакасский и др.). В этом и состоит одна из закономерностей образования и развития языков социалистических наций. Для этих национальных языков, сложившихся и складывающихся в Советскую эпоху, нет никаких оснований искать в лице отдельных писателей таких родоначальников, каким для русского литературного языка был Пушкин. В нашу, Советскую эпоху организатором и вождем всего социалистического строительства является могучая партия Ленина — Сталина и ее партийная печать, объединяющая всех писателей, как активных культурных деятелей своей страны. Никогда не была так значительна роль писателей в развитии своего народа. Впрочем, совпадение процессов сложения того или иного языка как национального, с закреплением его в литературе, имело место и раньше — так было с языками тех народностей, которые развились в нации сравнительно поздно и еще недавно были младописьменными (например — литовский и латышский).

Еще более запутанным и неясным остается в ряде случаев история наших языков в донациональную эпоху. Перед советскими языковедами

стоит благодарная, но вместе с тем и очень ответственная и нелегкая задача воспроизведения исторического прошлого многих и многих языков народов СССР.

Важнейшие задачи нашего языкознания в области изучения языков народов Востока можно свести к таким основным проблемам, которые перечисляются здесь — одна вслед за другой — в силу их взаимосвязанности.

а) Проблема складывания и развития национальных языков на Востоке. Этот процесс почти совершенно не изучен. Даже в отношении тех языков, история которых более или менее известна (например, история тюркских языков), изучение этой истории в домарксистском языкознании велось без понимания сущности самого процесса — складывания общенародных языков и развития их в языки национальные. Между тем эта проблема очень важна и существенна — и научно и практически. Исследуя ее, можно установить различные пути, формы, степени складывания и развития национальных языков в зависимости от особенностей исторического процесса в той или иной стране Востока. Тут играли огромную роль: положение колониальное, полуколониальное, зависимое; замедленность развития капитализма и искривление этого развития (паразитический компрадорский капитал вместо национального); длительная задержка феодализма и чрезвычайно сильное переплетение капитализма с целой массой феодальных элементов даже там, где капитализм более или менее развивался (в Японии, Индии); замедленность в связи с этим развития буржуазных наций и социально-историческая неполноценность этого развития там, где оно имело место; в другом историческом случае: переход от феодализма на путь социалистического развития, минуя буржуазно-капиталистический этап (Монгольская Народная Республика), или при чрезвычайно слабом развитии капитализма (Китай); а это значит — вступление на путь формирования социалистических наций без этапа буржуазных наций совсем или при неполноценном развитии буржуазных наций. Таковы процессы, протекающие у народов Советского Востока. Все это связано и с чисто практическими проблемами образования, школы, литературы, науки.

б) Проблемы словарного состава в современных языках народов Востока. Все народы Востока, выходя из состояния средневековья, вступили или начали вступать (одни — раньше, другие — позже; одни — решительнее, другие — слабее) на путь усвоения новой культуры, науки, техники. Это было необходимо им для их и а ц и о н а л ь н о г о развития в нынешних мировых условиях. В связи с этим во весь рост встала проблема научной терминологии, немедленно переросшая (в силу количественного фактора; в связи с охватом этой терминологией общественной жизни вообще; благодаря широчайшему развитию «связанных значений», что захватило и общий словарный состав) в проблему словарного состава в целом. Однако был найден выход из положения, крайне трудного и опасного для «национальной индивидуальности» того или иного языка, — был использован корневой состав своих «классических» языков, давно уже плодотворно участвовавших в языковом процессе (и притом в более значительной степени, чем были использованы греческий и латинский языки для соответствующих целей в Европе): санскрита — для новых языков народов Индии, классического арабского — для турецкого, персидского и новоязыков арабских языков; классического китайского языка — для современных китайского, японского и корейского языков. Получился поразительный по размаху и значению процесс колоссального обогащения словарного состава современных национальных языков на Востоке (ведь огромное количество научных и технических терминов стало словами общего языка)

на своего рода национальной базе. Этот процесс еще не раскрыт, не изучен, а изучение его имеет не только первостепенный научный интерес, но и практическое значение для языков народов Советского Востока. Ведь у этих народов есть не только своя школа — вплоть до высших учебных заведений, но и свои академии наук.

в) Проблема литературных языков. И эта проблема во всей ее сложности и историческом многообразии очень мало изучена. Дело тут не только в прослеживании путей выработки литературной нормы национальных языков, но — что представляет специфику этого вопроса в истории языков народов Востока — и в раскрытии отношения новых литературных языков к старым литературным языкам этих народов. У ряда народов Востока с их многовековой языковой историей давно сложились литературные языки, достигшие огромного развития, выработавшие свои специальные стили, предназначенные для строго определенных областей языкового общения, языки устойчивые, крепкие, проверенные литературной практикой. Процесс образования новых национально-литературных языков не мог развиваться безотносительно к старой литературно-языковой практике. На этой почве возникали и возникают очень сложные, разнообразные и противоречивые явления в истории разных литературных языков народов Востока. В одних случаях, как, например, сейчас в Китае, происходит резкое отталкивание от старого литературного языка, в других — как, например, в конце XIX в. — начале XX в. в Японии — практикуется широкое использование старого литературного языка. Наблюдалось и наблюдается также сосуществование в практике обоих литературных языков — старого и нового. И все это соединено со становлением и развитием новой литературы, публицистики, науки.

Для лингвиста, работающего над проблемой литературных языков, эти процессы представляют несомненный теоретический интерес.

г) Проблема старых литературных языков — их сложения, их эволюции, их отношения к общепарадному языку, их роли в развитии литературы, науки в эпоху феодализма. В большинстве стран Востока, где период феодализма был длительным, еще тогда создались литературные языки, ставшие своего рода «классическими литературными языками» своих народов.

Грамматический строй этих языков у нас хорошо известен, но в том аспекте, который открывается для нас сейчас, эти старые литературные языки совершенно не изучены.

д) Проблема чужих языков — «классических» — в истории своих языков народов Востока: роль санскрита в истории индийских языков; арабского — в истории языков тюркских и иранских, китайского — в истории языков корейского и японского.

Так, общие проблемы языкознания тесно сплетаются с проблемами специфики исторического развития отдельных языков и их семей.

Теоретические проблемы истории и диалектологии языка имеют чрезвычайно важное практическое значение. Кроме подготовки необходимых учебных пособий по истории и диалектологии языков, разработка этих вопросов непосредственно связана с процессами нормализации современных литературных языков и их совершенствования. Вопросы об отношении литературного языка и диалектов, об обогащении литературного языка за счет диалектов, о разработке норм орфоэпии и орфографии непосредственно связаны с глубоким теоретическим изучением проблемы развития национальных языков.

И. В. Сталин дал чрезвычайно ценные указания для разработки специально истории русского языка и истории других славянских языков.

Основополагающим является указание И. В. Сталина на курско-орловский диалект как на основу русского национального языка (и на полтавско-киевский диалект, как основу украинского национального языка). Перед советскими лингвистами поставлена чрезвычайно важная задача — показать на конкретно-историческом языковом материале, как шло формирование русского национального языка. Но эта задача еще далека от разрешения. Попытки представить формирование русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, предпринятые различными лингвистами, а также археологами (проф. Б. А. Рыбаковым), за истекший год, были явно неудачны (доклады Ф. П. Фюлина и Р. И. Аванесова). Главная причина этих неудач — недостаточное углубленный анализ, недостаточно широкое привлечение и использование даже тех больших материалов, которые уже накоплены русской диалектологией и историей русского языка, а отсюда — односторонний схематизм и анти-историческое теоретизирование. Не подвинули еще дела вперед и новые диалектологические работы, специально посвященные орловским говорам¹⁴. Эти работы представляют собой эмпирическое описание вокализма, а отчасти и морфологии орловских говоров, сопровождаемое лишь частными экскурсами в историю говоров. Работа над диалектологическим атласом курско-орловских говоров должна помочь всестороннему освещению этого вопроса.

Таковы в очень беглом очерке проблемы, стоящие перед советским языкознанием в области исследования истории разных языков. Обязанности и задачи лингвистического журнала в этом кругу вопросов особенно сложны и ответственны.

4

Указание И. В. Сталина на то, что «изучение языкового родства ... могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹⁵, поставило перед советским языкознанием новую большую и серьезную задачу — разработку теории и практики сравнительно-исторического языкознания, почти совершенно заглохшего в период господства в лингвистике марровских воззрений. Необходимо было взять то ценное, что заключалось в прежних исследованиях по вопросам сравнительно-исторического языкознания, разоблачить несостоятельность критики этого языкознания, которая велась Н. Я. Марром и его «учениками», вскрыть методологические недостатки работ прежних представителей сравнительно-исторического метода. По указанию И. В. Сталина, сравнительно-исторический метод в языкознании (в том виде, как он применялся раньше) характеризуется «серьезными недостатками». Освобожденные от этих недостатков, преобразование сравнительно-исторического метода на базе диалектического и исторического материализма, определение новых путей развития сравнительно-исторического языкознания — вот в чем состоит задача советского, сталинского языкознания. Как же выполняют эту задачу советские лингвисты?

За время после опубликования гениального труда И. В. Сталина появился ряд работ (главным образом журнальных статей), посвященных общим принципам сравнительно-исторического метода и конкретному применению его к изучению различных семей и групп родственных язы-

¹⁴ См. «Ученые записки Орловского пединститута», т. V, 1951, вып. 2.

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

нов. Эти же вопросы поднимались и в лингвистических докладах, прочитанных на организованной Отделением литературы и языка и истории и философии АН СССР сессии по проблемам этногенеза, состоявшейся в Москве в конце ноября и в начале декабря 1951 года¹⁶.

Большая часть этих работ носит общий, популярный характер, имея целью разъяснить широким кругам лингвистов, а также представителям смежных специальностей (историкам, этнографам, антропологам, археологам) сущность сравнительно-исторического метода в пределах его применения при изучении истории языков и народов. Пользу таких статей

¹⁶ См. статьи Б. А. Серебряникова — «Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра» (в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950), «Сравнительно-исторический метод в языкознании» («Иностранные языки в школе», 1950, № 6), «О праязыке» (там же, 1951, № 3), «К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, 1950, вып. 3). Некоторые общие вопросы сравнительно-исторического метода затрагиваются в лекции Л. А. Булаховского «Вопросы исторического развития языков в свете учения И. В. Сталина» (сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», 1950; украинский перевод этой лекции см. «Мовознавство», т. IX, Киев, 1951). Проблеме языкового родства в целом посвящен доклад П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебряникова на сессии по проблемам этногенеза — «О методе установления языкового родства». Проблемы применения сравнительно-исторического метода к изучению специально индоевропейской семьи языков касаются статьи — Б. В. Горюнга «К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, 1950, вып. 5). А. В. Десницкой «Сравнительно-исторический метод и изучение истории языка» (там же, т. X, 1951, вып. 4), а также доклады на сессии по этногенезу Б. В. Горюнга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова — «Проблема образования и развития языковых семей» и Б. В. Горюнга — «О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков». Вопрос сравнительно-исторического изучения славянских языков уделяется много внимания в статье Л. А. Булаховского — «О некоторых вопросах и задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, 1950, вып. 2). Вопрос о происхождении и развитии славянских языков в целом обсуждается в статье В. П. Петрусевича — «Славянская языковая общность и славянские языки» (там же, т. X, 1951, вып. 4). Этот же вопрос освещается в статье В. В. Виноградова и П. С. Кузнецова — «Языковое родство славянских наций» (журн. «Славяне», 1951, № 2). Специальному вопросу, именно славянской акцентологии на материале одного славянского языка, но в сравнительно-историческом плане, посвящена книжка Л. А. Булаховского — «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киев, 1950). Вопросы сравнительно-исторического изучения германских языков рассматриваются в статье А. И. Смирницкого — «Взаимоотношения между редукцией гласных в истории грамматической системы имени в германских языках» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, кн. 2). Частично, наряду с другими вопросами, применение положений сравнительно-исторического метода к изучению иранских языков касается статья А. А. Фреймана — «Сталинское учение о языке и иранское языкознание» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 1), а также доклад Б. В. Миллера на сессии по проблеме этногенеза — «К вопросу о классификации иранских языков». Исползует положения сравнительно-исторического языкознания монография А. А. Беледского — «Принципы этимологического исследования» (Киев, 1951) на материале греческого языка в его историческом развитии). Появились работы, посвященные изучению других языковых семей, помимо индоевропейской: угро-финских языков — статья И. И. Лыткина — «О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках» («Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 4), методологически порочная статья В. В. Гудковой-Сенкевич — «К проблеме происхождения родственных групп и семей языков» («Советская этнография», 1951, № 2). Проблема сравнительно-исторического изучения тюркских языков ставится в докладе Н. А. Баскакова на сессии по этногенезу — «К вопросу о классификации тюркских языков». Вопросы родственных отношений между различными африканскими языками касались Д. А. Обидового в докладе — «Об этногенезе народов центрального Судана», прочитанном на сессии по этногенезу.

Ср. также статью Х. Махмудова в «Вестнике Академии Наук Казахской ССР», 1951, № 4.

нельзя отрицать, так как в перпод господства так называемого «нового учения» о языке наши молодые лингвистические кадры совершенно или почти совершенно утратили знакомство с сравнительно-историческим языковедением.

Сравнительно-историческое изучение родственных языков, этой важнейшей основы исследования законов развития языка, до сих пор еще иногда сталкивается с предубеждением, будто бы такое изучение может привести ко всякого рода реакционно-идеалистическим концепциям вроде пантюркизма, панмонголизма, панфиннизма и т. д. А между тем именно сравнительно-историческое изучение родственных языков не оставляет никакой почвы для всякого рода пантюркистских и прочих реакционных домыслов. В самом деле, если сравнительно-историческое языковедение говорит нам о том, что развитие многих родственных языков шло по линии их развертывающейся дифференциации, в ходе которой складывались внутренние законы развития каждого из родственных языков, то ведь, например, пантюркистское требование создания «единого» тюркского языка не может не быть признаком реакционным, направленным против всего хода исторического развития тюркских языков, против внутренних законов развития каждого из этих тюркских языков. Наоборот, положение Марра о том, что родственные языки представляют собой результат все возрастающего скрещивания ранее генетически разнородных языков, что, например, тюркские языки, ранее якобы генетически разнородные, теперь сближены между собой будто бы до состояния диалектов и говоров одного языка, должно быть зачислено в арсенал псевдонаучных построений реакционного пантюркизма. Поэтому не является случайным то, что именно Н. Я. Марр считал необходимым в 1933 г. заявить: «...мы не можем не быть в единомыслии с турками в плоскости теоретических интересов, следовательно, идеологически»¹⁷; не случайно Н. Я. Марр был в восторге от того «в высшей степени деликатного гостеприимства», которым встретили его турки в Смирне, и от своей «идеологической встречи» с турками «на данном этапе развития турецкого национального вопроса»¹⁸.

Необходимо самым решительным образом предостеречь против возможной профанации сравнительно-исторического метода в языковедении. В результате длительного господства аракевевского режима в языковедении, в условиях которого всячески шельмовалось сравнительно-историческое изучение родственных языков, оказались растерянными кадры специалистов по сравнительно-историческому языковедению и почти забытыми навыки подобного изучения; новые кадры оказались воспитанными вне всякого знакомства со сравнительно-историческим методом. Поэтому теперь приходится иногда встречаться с фактами наивного и упрощенного понимания сущности сравнительно-исторического исследования, с такими приемами «сравнения», которые напоминают то, что имело место в давнее время, когда сравнительное языковедение только что становилось на ноги (попытка, например, воссоздать, как это делали первые компаративисты-романтики в Германии, культурно-историческое прошлое ряда народов по некоторым лексическим группам, без учета всего многообразия исторических пластов в составе развивающейся лексики данного языка или группы родственных языков, без строгой исторической дифференциации последовательных этапов лексических напластований, без внимания к тому, что иногда существенные элементы словаря могут в ряде родственных языков оказаться утраченными или отмершими).

¹⁷ Н. Я. Марр, О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье, стр. 59.

¹⁸ Там же, стр. 12.

Необходимо шире развернуть подготовку кадров языковедов, способных не только применять сравнительно-исторический метод изучения языков, но и освободить его от свойственных ему серьезных недостатков.

Сравнительно-исторические грамматики как по своему типу, так и по объему языков могут иметь чрезвычайно разнообразный характер, — от монументальных сравнительно-исторических исследований целой семьи языков (индо-европейской, семитической и пр.) или группы языков (славянской, романской, германской, финской, монгольской) до отдельных их подгрупп (восточно-славянской, восточно-романской, отузской, кыпчакской и т. п.) и даже еще более мелких подразделений родственных языков.

В разных работах наших лингвистов на протяжении истекшего года были сформулированы некоторые общие положения, на которые, по мнению авторов этих работ, должно опираться в дальнейшем советское сравнительно-историческое языкознание. Эти положения имеют в качестве методологической предпосылки указания И. В. Сталина на значение языкового родства народов, на связь истории языка с историей народа и на пути, какими осуществляется языковое скрещивание. Эти положения вкратце сводятся к следующему. Родство языков опирается на закономерные проведенные соответствия в материальном звуковом составе и значения основных элементов речи — корней, формативов — между различными языками, входящими в состав одной группы или семьи языков; слова и формы, родство которых таким образом установлено, всегда восходят к некоторому материально-общему архетипу (исходной форме). Признается язык-основа, единый для каждой из групп и семей родственных языков. Намечены вместе с тем общий характер, общее направление тех путей, какими в результате различных исторических процессов происходит образование отдельных родственных языков или их ветвей в пределах данной семьи. Понятие языка-основы не сразу утвердилось в советском языкознании. Многие лингвисты опасались признания языка-основы, видя в этом возврат целиком к старым положениям сравнительного языкознания, отождествляя понятие языка-основы и старого понятия праязыка. Отсюда возникла необходимость осветить недостатки понятия «праязыка», его антиисторизм и произвольную схематичность в традиционном сравнительно-историческом языкознании (а иногда и его символическую условность). Эта задача целиком еще не выполнена. Пока выдвинуты лишь отдельные положения о зависимости разной степени трудности в определении родства языков от особенностей их строя, о различной провиантности различных сторон языка для воздействия извне, о неравномерности темпов развития различных сторон языка, а также о неравномерности темпов развития разных элементов грамматического строя в различных языках.

При сравнительно-историческом изучении родственных языков рекомендуется опираться на историческую последовательность формирования и развития отдельных языков группы и вхождения их в различные общности, то есть соблюдать одно из обязательных условий изучения истории языка непосредственно в связи с историей данного конкретного народа. Иначе говоря, необходимо соблюдать хронологическую последовательность при сравнении фактов языка сначала между исторически наиболее близкородственными языками, затем между ближайшими родственными подгруппами, группами и т. д.

При сравнении языков необходимо учитывать не отдельные вырванные из системы языка факты, а всю структуру языка, которая для этого должна быть изучена во всех своих элементах и составных частях. Язык должен быть исследован во всем многообразии его диалектов. Все факты

языка должны быть сопоставлены и соотнесены между собой во всех своих частных деталях. При сравнении языков необходимо оперировать не отдельными фактами, а совокупностью всех явлений данной лексической или грамматической категории во всем многообразии ее семантических и формальных выражений.

Нельзя сравнивать отдельные языки даже одной и той же группы или подгруппы безотносительно к хронологии разных этапов их развития. Для этого необходимо прежде всего по возможности установить своеобразную периодизацию их развития, хронологически последовательные их связи, отправляясь при сравнении от более дифференцированных объединений языков к более крупным их соединениям.

Вместе с тем отмечалась также необходимость принимать во внимание неравномерность в развитии разных языков и различные исторические связи языков как с родственными языками, так и с языками других семей и вытекающие отсюда процессы взаимодействия языков.

Однако далеко не все работы этого типа, появившиеся в 1950—1951 гг., могут удовлетворить советского филолога даже в плане популярного изложения общих положений сравнительно-исторического языкознания. Например, статья В. П. Петруся, посвященная языковой общности славян, стремится в беглом очерке охватить всю историю славян, с доисторических времен (с эпохи родовых языков) и до образования наций включительно. Но равняя история славян изложена здесь очень туманно, очень темно говорится о каких-то центробежных и центростремительных силах. Неясно, как сам автор представляет славянскую языковую общность, пересекаемую, по его словам, известными изоглоссами в разных направлениях (как же изоглоссы конкретно здесь разумеются, также неясно; в статье нет никакого лингвистического материала). Автор не говорит к тому же, изначально ли пересекали славянскую область эти изоглоссы или они когда-то складывались (в процессе ли отслоения «накапливающейся» славянской языковой общности от индоевропейского единства или под влиянием «сил центробежного характера» уже в обособившейся «славянской родовой группе»). По цветистому определению В. П. Петруся, в период родового строя у славян «была свободная речевая стихия, поверхность которой бороздили диалектные волны, не разрушая ее берегов» (стр. 356). Вопреки указанию И. В. Сталина что у племен и народностей, наряду с общенародным языком, были «диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»¹⁹, В. П. Петрусь уверяет, что у славян на всей территории, занимаемой племенем, существуют зоны местных диалектных вариаций, но не существует никаких диалектов» (стр. 358). Не менее сомнительно утверждение В. П. Петруся, что «письменный язык феодального общества не может быть принят за общенародный» (стр. 361). Это утверждение наглядно опровергается языком бегемянских грамот, открытых раскопками проф. А. В. Арциховского в Новгороде (см. «Вопросы истории», 1951, № 12).

Не могут нас удовлетворить и статьи А. В. Десницкой, напечатанные в «Известиях АН СССР, Отд. лит-ры и яз.» и в журнале «Русский язык в школе». Бывшая последовательница акад. Марра А. В. Десницкая не раскрывает подробно основных ошибок своих прежних работ, посвященных вопросам сравнительной грамматики индоевропейских языков в плане теории Н. Я. Марра. Да и положительная часть ее статей крайне недостаточна и неопределенна по своим общим установкам. Здесь не найдем ясного ответа, например, на вопросы о том, как возникла общность

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

германских языков, по каким признакам определяется большая или меньшая архаичность строя отдельных языков.

Неясности и даже рецидивы прошлого очень ощутительны и в статье А. В. Десницкой, напечатанной в журнале «Русский язык в школе»²⁰. Здесь отразились те положения, которые были характерны для ее статей периода господства теории Марра. Ссылаясь на Энгельса, автор говорит о распаде племен и языков, об образовании в результате этого различных, но родственных языков и сейчас же вслед за этим — об объединении родственных племен в племенные союзы, о последующем образовании народностей и о том, что «все эти процессы, несомненно, должны были найти свое отражение и в образовании родственных языковых групп» (стр. 25). Но ведь если союзы племен образуются именно родственными племенами, то не образование союзов создает родство языков и родственные языковые группы, а это родство должно было существовать уже раньше, являясь предпосылкой образования союзов.

В резком противоречии с основами советского языковедения находится статья В. В. Гудковой-Сенкевич, опубликованная в «Советской этнографии» (1951, № 2). Опираясь на гипотезу «первобытной лингвистической непрерывности», выдвинутую С. П. Толстовым и представляющую собой своеобразную попытку возрождения марристских взглядов на происхождение языковых групп, а также пытаясь использовать «теорию контакта» Д. В. Бубриха, возникшую как средство компромисса с марровскими воззрениями, В. В. Гудкова стремится на этой шаткой и болотистой почве обосновать родственные отношения между разными ветвями финно-угорских языков. Помимо ошибочности и порочности общеметодологической установки, эта статья характеризуется крайне сумбурным и невежественным использованием самой техники сравнения фактов разных языков, выработанной сравнительно-историческим методом.

Критика недостатков старого сравнительно-исторического языковедения и сравнительно-исторического метода в последних работах советских языковедов была явно недостаточна и неглубока. Часто она вовсе отсутствовала. Кроме того, не всегда эта критика шла по правильному пути (например, в статье проф. С. П. Толстова «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языковедения для развития советской этнографии», напечатанной в журнале «Советская этнография», 1950, № 4).

Правда, некоторые ценные замечания по поводу отдельных недостатков зарубежных работ в области сравнительно-исторического языковедения были высказаны, но они касались преимущественно частных вопросов.

Статьи, специально касавшиеся недостатков сравнительно-исторического метода вообще (например, Б. А. Серебrenникова), не указывали конкретных путей преобразования и усовершенствования этого метода в общей системе марксистского языковедения.

К сожалению, у нас почти вовсе не подвергались критическому анализу те возражения, которые выдвигаются против сравнительно-исторического метода в буржуазно-идеалистическом языковедении, особенно в разветвлениях структурализма и в семантической философии. Антиисторизм этих течений приводит вообще к отказу от сравнительно-исторического метода. Эта черта современного зарубежного языковедения характерна не только для современных американских и западноевропейских структуралистов, но восходит к истокам структурализма. Еще у Н. С. Трубецкого, который считается отцом современного структурализма, обозначился взгляд на индоевропейские языки не как на генети-

²⁰ Ж. «Русский язык в школе», 1951, № 4.

ческую общность, а как на чисто структурное фонетико-морфологическое понятие. По мнению Трубецкого, индоевропейское языковое состояние представляет лишь определенную ступень в развитии языков: языки могут становиться индоевропейскими и могут переставать быть ими. В этом Трубецкой тесно сближается и по существу смыкается с Марром и его «учениками»²¹. Эта линия развития зарубежной компаративистики не подвергалась в нашей литературе серьезной критике, а направить критику в эту сторону совершенно необходимо.

Для марксистского углубления и преобразования сравнительно-исторического метода необходимы конкретные исследования сравнительно-исторического характера, притом исследования новаторского типа, намечающие новый путь марксистского сравнительно-исторического изучения родственных языков. Таких исследований пока не появилось.

В связи с этим необходимо призвать одной из основных задач советского языкознания разработку конкретных проблем истории и взаимоотношений родственных языков на всем протяжении их существования в связи с историей носителей этих языков в светлых и точных указаниях И. В. Сталина. Только с появлением таких исследований сравнительно-исторический метод сможет освободиться от свойственных ему в прошлом серьезных недостатков, и только тогда сравнительно-историческое изучение языков сможет принести пользу в деле изучения законов развития языка.

Весь этот круг вопросов, связанных с марксистским преобразованием приемов сравнительно-исторического исследования языковых семей и групп внутри их, должен получить широкое отражение и освещение в нашем журнале.

5

В Советскую эпоху, вызвавшую к жизни необычайную активность широких масс, когда неизмеримо выросло и расширилось значение общественных выступлений как устных (доклады, самодеятельность, радио), так и в печати, общенародный характер приобрели вопросы культуры речи.

Борьба за ясность, точность, чистоту и правильность языка, за обладание всей сложной и разветвленной системой его выразительных средств охватила широкие массы народа. Борьба за высокую культуру национальных языков народов Советского Союза является естественным и непосредственным выражением роста национального самосознания, расцвета национальных культур в социалистическом обществе. Образцы простой и четкой речи, глубокой по содержанию и предельно ясной, отточенной по форме, всем людям Советской страны даны в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Борьба за культуру национального языка является составной частью борьбы народов за морально-политическое единство нации.

Язык находится в непрестанном движении и развитии. Этим непрерывным движением обусловлены характерные для всех периодов развития языка, но с разной степенью интенсивности в разные эпохи проявляющиеся изменения и усовершенствования отдельных элементов его структуры, устойчивой в целом и в особенности в своем основном ядре. Этим развитием определяется появление колебаний, дублетных форм во всех сторонах языка — словаре, словообразовании, в произношении и ударении и даже в грамматике. Наша эпоха, эпоха напряженного развития общественной жизни, эпоха ее революционного перево-

²¹ См. N. S. Trubetsky, 'Cedanken über das Indogermanenproblem, Acta linguistica, 1, 1939, 2.

рота, привела к значительным изменениям наиболее чувствительной стороны национальных языков нашей страны — их словарного состава. Расширение границ литературного языка, изменение прежних соотношений между литературным языком и диалектами, преобразование и обогащение системы стилей, своеобразие процессов литературно-языковой нормализации, широкое внедрение общественно-политической, научной и профессионально-технической терминологии в массовую речь — все это наложило свой отпечаток на развитие литературных языков социалистических наций.

Формирование и развитие социалистических наций сопровождается развитием национальных культур — социалистических по содержанию и национальных по форме. В настоящее время в Советском Союзе насчитывается больше 60 национальных письменностей и литературных языков. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что было до Октябрьской революции. Происходившая летом прошлого года конференция по вопросам развития и нормализации алтайского языка ярко показала, какой огромный интерес вызывают вопросы этого рода в широких слоях соответствующей народности или нации и какое важное значение для дальнейшего развития национальной культуры того или иного народа имеет правильно, на основе сталинского учения о языке организованная общественная регламентация народного языка. Определение и кодификация структуры национальных языков, разработка систем письма и орфографии, создание нормативных грамматик и словарей, установление орфографических норм, выяснение связи национально-литературного языка и ее характера с народно-диалектной базой, упорядочение и развитие терминологии, вопросы перевода, вопрос о консолидации мелких бесписьменных языков с близко родственными языками, имеющими более широкую перспективу развития, — все это область напряженного труда советских языковедов. Но делается мало по сравнению с тем, чего требует движение и развитие широкости и свободной социалистической жизни. Особенно опутительна слабость, и особенно чувствительны недостатки теоретической работы именно на этом участке языкознания. А ведь изучение и решение этих сложных и многообразных вопросов в нашей стране имеют под собой твердую и глубокую базу учения И. В. Сталина о закономерностях развития языков социалистических наций. Роль языковедческого журнала в освещении и направлении этой работы должна быть особенно велика. Вся совокупность этих вопросов после выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания требует пересмотра и углубленного изучения в свете сталинского учения о языке, о национальной специфике языка, о внутренних законах его развития, о постепенности качественных изменений в языке. Наблюдения над процессами, протекающими в тех литературных языках социалистических наций, которые имеют богатую прошлым историю, представляют не меньший практический и теоретический интерес. Стилиевая структура этих языков сложна и разнообразна. В них обнаруживается обилие стилистических вариантов, многообразие параллельных форм выражения сходных значений.

Наличие вариантных форм с различной стилистической окраской по-разному воспринимается носителями языка. Одни видят в появлении нового варианта порчу, засорение языка и отстаивают традицию как норму правильности, другие, напротив, охотно принимают все новозаповеданные, находя в них отражение живых тенденций развития языка, и легко предоставляют им права литературного гражданства. Само понятие языковой нормы не может быть определено без учета исторической смены и исторической изменчивости языковых явлений; это понятие должно быть обосновано исторически. Обычны случаи, когда то, что,

например, в русском языке еще для начала XIX в. было нормой литературного употребления, в настоящее время стало архаизмом; и, напротив, то, что еще недавно воспринималось как просторечное или областное, нередко принимается литературным языком и становится нормой. Принятие или непринятие нового, сохранение старого или отказ от него обусловлены общими тенденциями и внутренними законами развития языка. Литературные вкусы, оценки современников сами нуждаются в историческом объяснении и истолковании. Нельзя подходить к языковым колебаниям как к изолированным фактам, требующим специфического разрешения в каждом отдельном случае. Именно так пытались «реформировать» современный молдавский язык ретивые «законодатели» из лагеря «учеников» акад. Марра. Колебания обычно отражают изменения в целой серии аналогичных явлений, они опираются на структуру языка в его прошлом и настоящем, на развитие языка как «продукта целого ряда эпох». Перед советскими языковедами стоит задача определения понятия нормы для разных периодов в истории языка и особенно для нашего времени. Исходя из конкретно-исторического понимания лексических, грамматических, произносительных (в том числе и акцентологических) норм, наши языковеды должны создать для разных национальных языков целую серию справочных пособий — словарей, орфоэпических указателей и т. п., предназначенных для школы и широкого круга читателей. Острая нужда и потребность в справочных пособиях нормативного характера в социалистическом обществе, поднимающем на высоты культурного развития все слои народа, чрезвычайно велики.

По-новому встает проблема воздействия на язык, активного отношения к так называемым «неправильностям» в слово- и формоупотреблении, в фразеологическом сочетании слов, в синтаксических связях, в ударении, в произношении. Ни односторонние пуристические тенденции защитников старины, утративших опущенные поступательного развития языка, ни ультра-«революционные» попытки искусственных «насаждений» в языке и насильственной ломки старых его форм не могут удовлетворить советское общество и советскую науку о языке. При оценке и определении «правильного» и «неправильного» в языке следует исходить из основных положений марксистского языкознания. Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек: оно входит или может войти в язык независимо от этих вкусов. Напротив, то, что создается — обычно искусственно — вопреки живым нормам и живым тенденциям развития литературного языка, что механически переносится в него из диалектов и жаргонов, то и представляет собой «неправильности» в собственном смысле этого слова, то и засоряет, портит язык. С такими неправильностями должна вестись упорная и целенаправленная борьба — борьба за культуру речи. Дальнейшему развитию и обогащению языка можно содействовать, только подчиняясь внутренним законам его развития, исходя из этих законов и двигаясь в направлении их действия, по их течению.

Советское языкознание, опираясь на гениальные труды И. В. Сталина, должно дать твердую научную базу для изучения и описания закономерностей появления языковых новообразований, для оценки устойчивости и целесообразности отдельных их типов; оно должно установить научные критерии разграничения отмирающего, уходящего — и нового, творческого, развивающегося в жизни современных языков. Необходимо тща-

тельное и всестороннее изучение языковой синонимии, с предварительными общетеоретическими разысканиями в области таких вопросов, как понятие синонима, типы синонимов, соотношение синонимии и антонимии, синонимия идеографическая и стилистическая и т. п. Проблема синонимии — лексико-фразеологической и грамматической — смыкается с изучением стилистики общенационального языка, с изучением различных его стилистических пластов, находящихся в постоянном взаимодействии и развитии, с определением места синонимических способов выражения в общей сокровищнице выразительных средств языка.

С вопросом о путях пополнения лексики и появления словарных дублетов и вариантов связан вопрос о терминологической лексике и путях ее вхождения в общелитературный язык. Для Советской эпохи характерно широкое проникновение специальной лексики в общенародное употребление. Необходимы глубокие монографические исследования, посвященные установлению общих разрядов специальной лексики и путей ее развития. В связи с этим встает вопрос об отношении к заимствованиям, к словам иноязычного происхождения в составе лексической системы языка. Эта проблема многогранна. К актуальным вопросам развития языков социалистических наций обращена та ее грань, которая касается роли русского языка как источника обогащения словарного состава всех национальных языков Советского Союза и стран народной демократии, а также закономерностей образования международного словарного фонда социалистической культуры.

Все острее выступает вопрос об общих тенденциях и закономерностях обогащения словарного состава языков социалистических наций. Объем и границы слоя специальной терминологии, вошедшей или входящей в состав общенационального словаря, исторически изменчивы. Они зависят от уровня развития культуры, техники, экономики страны. Стремительный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, огромный общественный интерес к достижениям советской техники, к великим стройкам коммунизма, развитие культуры и науки в республиках и автономных областях вызывает обогащение и непрерывное изменение словарного состава языков народов Советского Союза. Эти языки вбирают в себя потоки слов и терминов из великого русского языка, обозначающих новые понятия социалистического общества, советской культуры и политики или же являющиеся незаменимой частью мирового интернационального лексического фонда. Языки советских социалистических наций развиваются в порядке сотрудничества и — очень часто — взаимного обогащения. Перед советским языкознанием стоит ответственная задача — изучать и сопоставлять закономерности развития современных национальных языков народов Советского Союза, открывать в этих закономерностях общее, наблюдать, в каких сторонах структуры разных национальных языков — за пределами общественно-политической и научно-технической терминологии, за пределами словарного состава — обнаруживается влияние русского языка, а также и других языков. Для обобщений в этой области необходимы многочисленные исследования, необходимо систематическое собирание тщательно проверенных материалов по самым разнообразным языкам.

Между тем у нас еще очень мало даже описательных исследований конкретных вопросов, относящихся к грамматическому строю, словарному составу, звуковой системе современных национальных языков нашей страны, особенно таких исследований, которые бы сопровождалась широкими общетеоретическими выводами. Так, например, почти совсем нет работ по общим вопросам современного русского ударения (см., впрочем, статья акад. Л. А. Булаховского, проф. А. Б. Шапиро), нет попыток установить общие

закономерности в живых процессах унификации акцентологических норм современного русского языка. Такие работы еще предстоит создать советским языковедам. Необходимы также специальные исследования в том числе и нормативного характера, по вопросам современного словообразования, а также словоупотребления, связанного с возникновением новых значений и смысловых оттенков. Советское языкознание должно научно обосновать борьбу за культуру речи и активно включиться в эту борьбу.

Перед лексикографами-специалистами по языкам народов СССР стоят новые задачи разработки различных типов словарей и в первую очередь хороших русско-национальных словарей, больших толковых словарей словарей синонимов и пр.

Составление словарей должно быть связано с решением практических задач регламентации языка, в частности с установлением орфоэпических орфографических и грамматических норм литературных языков, особенно тех младописьменных языков, которые находятся в процессе становления и укрепления. Составителям словарей должно быть уделено особое внимание подбору слов и разработке словника, который бы наиболее полно отражал активную часть национального словаря.

Более последовательно и принципиально должна быть представлена в словарях грамматическая сторона слова, должны быть более дифференцированы грамматические указания, тщательнее отобраны грамматические формы слов. Необходимо также выработать систему отражения в словаре «трудных», а иногда и спорных грамматических форм (например, глагольные виды для русского языка, имя прилагательное и наречие для тюркских языков и пр.), необходимо точнее определять границы слов и более четко разграничивать омонимы, установить способы сближения и объединения синонимов и т. д.

Не менее актуальными и ждущими незамедлительного своего разрешения являются вопросы разработки терминологической лексикографии.

Разработка терминологических словарей была особенно интенсивной в период с 1930 по 1940 г. За это время в одном только Азербайджане было издано около 30 терминологических словарей по всем важнейшим отраслям науки. В период после Великой Отечественной войны работа по составлению терминологических словарей в большинстве республик и областей ослабела, кое-где почти прекратилась. Теперь она снова начинает интенсивно развиваться.

Составление терминологических словарей и установление принципов разработки терминологии — неотложное дело лингвистов. Хорошо разработанная терминология является показателем богатства и культуры языка, его гибкости и универсальности.

Практика составления словарей по всем языкам Советского Союза должна осуществляться местными кадрами лингвистов при содействии опытных лексикографов из центральных языковедческих институтов. Лексикографические труды широкого охвата могут быть успешно осуществлены только в контакте с местными специалистами по всем отраслям знания.

У нас еще совсем нет орфоэпических словарей. Между тем важность их несомненна.

Проблема установления орфоэпических норм для языков народов СССР еще не имеет широкого опыта. Попытки кодификации норм орфоэпии в татарском, азербайджанском, казахском, узбекском и многих других языках нашей страны пока еще не реализованы на практике, хотя ведется систематическая работа над нормализацией языков в национальных театрах и в радиовещании.

Установление орфоэпии, таким образом, связано с практической рабо-

той по внедрению выработанных на основе народного языка общих произносительных норм через школу, театр и радиовещание. Все это требует постоянной и систематической помощи языковедов, их консультаций учителям и широкой массе культурных работников национальных республик и областей.

В связи с изучением фонетической структуры языка, в связи с определением его орфоэпических норм чрезвычайно важное значение имеет также вопрос о фонетической транскрипции.

Правильно разработанная, с учетом фонетических особенностей других родственных языков, фонетическая транскрипция нужна не только для исследователя живой звучащей речи, языковеда-диалектолога, она необходима также и для преподавателя языка в средней и высшей школе.

Имеющиеся рабочие транскрипции, например, по тюркским языкам, как правило, не охватывают всех особенностей фонетики данного языка, а знаки транскрипции не соотношены в своих значениях с системой транскрипций для других языков.

Таковы практические задачи, связанные с вопросами культуры речи.

Борьба за культуру речи — это борьба за правильность употребления слов, форм, конструкций там, где язык, развиваясь и обогащаясь, дает возможность выбора и отбора. Вопросы культуры речи должны получить твердую базу своего практического разрешения и общетеоретического освещения в такой еще малоразработанной области языковедческой науки, как стилистика. На стилистику опирается также теория перевода, вопросы которой не раз поднимались советской общественностью, справедливо требующей точного и высококачественного перевода научных, публицистических и художественных текстов.

Стилистика является совершенно неразработанной областью для языков народов СССР, а между тем вопросы стилистики здесь имеют не только теоретический характер, но и тесно связаны с такой ответственной практической областью языковедения, как техника переводческой работы, которая, кстати сказать, весьма отстаёт в наших республиках и областях; стилистика связана также с широким кругом вопросов культуры литературного языка.

В области стилистики языковеды, специалисты по языкам народов СССР, должны учесть опыт работы по русскому языку, которая в самое последнее время значительно подвинулась вперед.

До сих пор понятие стилистики как науки было крайне неопределенным и расплывчатым. Стилистика входила в курсы так называемой «теории литературы» и питалась остатками риторик «доброе старое время». Сюда обычно включались и общие сведения по теории литературы, и отдельные вопросы лексикологии и семантики, и стародавний перечень художественно-образительных средств (сравнения, эпитеты, метафоры и т. п.) с соответствующими пояснениями и иллюстрациями. Стилистика должна быть создана как самостоятельная и разветвленная отрасль языковедения, как наука о системе стилей общенародного, национального языка, о их соотношении и взаимоотношениях, как наука о свойственных тому или иному языку соотносительных и параллельных способах выражения более или менее однородного содержания, о формах отношении средств выражения к выражаемому содержанию. Чем богаче и развитее язык, чем сложнее его история, чем шире круг его межъязыковых связей, тем сложнее и многообразнее система стилей этого общенародного языка, тем богаче их функции, тем разнообразнее пути их взаимодействия и виды их связей с народными говорами и социальными диалектами.

Система стилей общенародного языка подвижна, изменчива. Не все стили равноценны по своему значению, по богатству форм выражения,

по охвату сфер социального общения. В составе общелитературного языка и за его пределами — в устно-бытовой речи — существуют в сложном сплетении многообразные речевые стили, отражающие сложную игру красок общенародного словаря, грамматических форм и конструкций. Освоение и определение языковой нормы связано с творческим овладением всей системой стилей языка. Даже в протекающей на наших глазах живой истории языка виден ход постепенных перемещений языковых средств из пределов одного стиля в пределы другого, смена стилистических окрасок серий слов и форм, а отсюда — и видоизменения норм.

Стилистическая оценка норм современного языка должна быть живой, диалектической и вытекать из ясного понимания истории исторических закономерностей развития языка как «продукта ряда эпох».

Вопросы стилистики национального языка не следует смешивать с теорией и практикой литературно-художественной речи, с вопросами стилистики индивидуально-словесного творчества.

Работы И. В. Сталина по вопросам языковедения по-новому поставили перед советскими языковедами и проблему изучения языка писателя в его отношении к общенародному языку. Правильное разрешение этой проблемы имеет первостепенное значение не только для языковедения, но и для литературоведения и других смежных областей знания. Наука о языке писателя — наука новая. Ее фундамент заложен советскими учеными, которыми был намечен и общий круг интересов этой отрасли лингвистического знания. Эта наука стойко и упорно развивалась в Советскую эпоху, несмотря на все препятствия, чинимые ей сторонниками «нового учения» о языке. Однако основные понятия науки о языке писателя получают совсем новое освещение в работах И. В. Сталина по вопросам языковедения. Перспективы развития этой области языковедения широки и заманчивы. Изучение языка писателя содействует углубленному пониманию его образов, его идейных замыслов, индивидуальных своеобразий его художественного творчества. Изучение языка художественной литературы открывает широкие возможности понимания общих закономерностей развития языка эпохи, оно дает эстетически отраженное воспроизведение «речевой жизни» народа. Советским языковедам еще предстоит осветить светом творческого марксизма целый круг вопросов, связанных с изучением языка писателя (например, таких, как вопрос о способах использования писателем сложного богатства словаря и грамматического строя своего родного языка, вопрос о принципах оценки словотворчества писателя, его роли в развитии общенародного языка, вопрос об индивидуальных принципах сочетания разностильных средств языка и т. п.).

С решением этих вопросов тесно связано усовершенствование приемов критического анализа языка художественного произведения. Назрела необходимость в выработке новых, подлинно научных методов филологической критики. В нашей печати неоднократно поднимался вопрос о том, что те отдельные замечания о языке произведения, которые обычно встречаются в рецензиях, своим крайне однообразным и мертвенным характером напоминают своеобразную наклейку из стилистических ярлыков. Советское языковедение должно помочь литературной критике найти правильные методы анализа языка художественного произведения.

С вопросом об изучении языка писателя неразрывно связан вопрос об изучении индивидуально-художественного стиля писателя как системы средств речевого выражения, организованной в сложное единство и спаянной мировоззрением и творческой личностью художника.

Изучение стиля писателя как индивидуальной системы взаимообусловленных языковых средств, служащих для художественного выражения

мировоззрения писателя, его идей и общественных оценок, сейчас, после появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, должно стать самостоятельной отраслью стилистики, близкой к литературоведению. Изучение стиля художественного произведения, стиля писателя неотделимо от изучения идейного замысла художника, образной ткани его произведения, построения характеров действующих лиц, структуры того образа повествователя, который создается всей композицией сочинения. В связи с этим выступает широкий круг вопросов, относящихся к стилистике словесно-художественного творчества — вопросов, связанных с изучением системы стилей художественной литературы в их историческом движении и развитии. Освещение всех этих многообразных проблем культуры речи, стилистики общенационального языка и стилистики художественной литературы является одной из очень существенных и важных задач журнала «Вопросы языкознания».

6

Многие современные национальные языки народов Советского Союза нуждаются в пересмотре и уточнении своей письменности. Принятые в конце тридцатых годов алфавиты и своды орфографических правил обнаружили на практике целый ряд недостатков. Эти недостатки могут быть устранены без коренной ломки письменности.

Пересмотра своих алфавитов и своей орфографии требуют, например, такие языки, как туркменский, где до сих пор не решен вопрос обозначении долгих гласных; алтайский, где и алфавит и орфография нуждаются, как показала недавно состоявшаяся лингвистическая конференция, в значительных изменениях; каракалпакский, где должны быть значительно уточнены как алфавит, имеющий знаки с пятью, шестью совершенно различными значениями (например, знаки «у», «ш»), так и орфография, чрезвычайно сложная и запутанная из-за неудачного алфавита, не отражающего целый ряд гласных звуков; казахский и др.

В ходе разработки алфавитов для ранее бесписьменных языков, а равно и в процессе смены старых и архаичных письменностей арабского или старомонгольского типа иногда были допущены серьезные ошибки, устранение которых в настоящее время является действительно необходимым. В условиях господства так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра эти ошибки были неизбежны, так как марровские поиски фантастических связей языков нашей страны с неизвестными языками «яфетической» доистории не могли давать никакой надежной опоры для изучения структуры современных языков народов СССР. Поэтому теперь в ряде случаев представляется необходимым в свете сталинского учения о языке пересмотреть и упорядочить некоторые алфавиты, уже действующие в течение нескольких лет, с тем, чтобы эти алфавиты согласовать и сблизить с реальными свойствами и особенностями фонетической структуры соответствующих языков. Так, например, предстоит пересмотреть алфавит казахского языка, перегруженный без особенной надобности обилием знаков (в количестве 41). Перед языковедами Казахстана стоит непростая задача изучения вопроса о целесообразности сохранения в казахском алфавите ряда знаков, в частности таких, как: «ҕ», «і», «к₃», «г»; по общему признанию, некоторые из этих знаков оказываются излишними. Если, например, для азербайджанского, узбекского и уйгурского алфавитов было безусловно необходимо введение таких знаков, как «к₃» и «г», для передачи самостоятельных фонем этих языков, то в казахском алфавите наличие этих знаков не может считаться вполне оправданным. В казахском языке звуки «к» и «г» — в зависимости от

позиции — артикулируются то как соответствующие варианты переднего типа (в словах с гласными переднего ряда), то — заднего ряда. Практика киргизского, бурят-монгольского, монгольского и других алфавитов показала, что в казахском алфавите можно было бы, по мнению авторитетных знатоков казахского языка, обойтись и без этих знаков.

В некоторых языках, напротив, в алфавите отсутствуют знаки для вполне самостоятельных фонем. Так, в каракалпакском языке система гласных, состоящая из девяти самостоятельных звуков: «а», «е», «о», «ё», «у», «ү», «ы», «и», «э», обозначается только шестью знаками: «а» (для «а», «э»), «е», («э»), «о» (для «о» и «ё»), «у» (для «ү» и «у»), «ы», «и», что ведет к весьма сложным орфографическим правилам. Некоторые из знаков для гласных имеют еще, сверх того, значения согласных звуков и даже сочетаний гласных и согласных.

Не малые задачи стоят перед советским языковедением и в области нормализации орфографии как младописьменных языков, так и тех, которые за годы революции распались со старой, арабской, монгольской или миссионерской письменностью и перешли на новую, созданную на основе использования знаков русской графики — с дополнением некоторых других знаков, необходимых для передачи специфических звуков того или иного нерусского языка, например «в», «у», «һ» и т. п. Орфография некоторых литературных языков страдает недочетами и характеризуется неупорядоченностью. Такое состояние орфографии может быть объяснено рядом обстоятельств.

Во-первых, не везде точно установлена диалектная база того или иного литературного языка; не всегда достаточно изучен диалект, принятый в качестве основы формирования данного языка. Вследствие этого процессы, происходящие в фонетике такого диалекта, оказываются не учтенными в должной мере. Так, например, в орфографии алтайского литературного языка, в основу которого лег собственно алтайский диалект, до самого последнего времени оставались неупорядоченными некоторые весьма важные правила.

Во-вторых, неупорядоченность орфографии отдельных языков вытекает из того, что иногда все особенности диалекта, на базе которого происходило формирование того или иного литературного языка, без учета тенденций развития общенародного языка, возводятся в непререкаемый принцип, в догму и охраняются с излишней прямолинейностью. В этих случаях в сводах орфографических правил и в словарях декретируется такое написание отдельных слов или группы слов, которое, отражая местные фонетические особенности ведущего диалекта, находится в резком противоречии с произносительными нормами всего общенародного языка. Так, например, в бурят-монгольском литературном языке принято писать «гүзөөн» вместо общераспространенного «гүзээн» — «брюшина». Нормы и особенности ведущего диалекта должны учитываться в орфографии литературного языка лишь в той мере, в какой они отражают нормы и особенности всего общенародного языка. А все то, что в данном диалекте является лишь местным явлением и не отражает характерных признаков общенародного языка, не может быть положено в основу системы орфографии литературного языка и декретируется для последней в качестве обязательной нормы. В связи с этим перед советскими языковедами остро встают задачи тщательного изучения диалектной базы младописьменных литературных языков.

Необходимо создать ясную картину современного состояния и общих закономерностей развития этих языков и их взаимодействий с народными диалектами. Подобное изучение может помочь нормализации написаний в тех случаях, когда в том или ином языке наблюдаются параллельные

формы в произношении одних и тех же слов или морфем даже в рамках одного и того же диалекта. Так, например, в одних и тех же диалектах бурят-монгольского языка наблюдается произношение долгих гласных непрерывных слогов в словах переднего ряда и в положении после гласного «У» то в виде «ээ», то в виде «оо» («Урээр» и «Уроор» — «семенами»). В некоторых отдельных случаях такие же явления наблюдаются и в казахском литературном языке.

Существенным и весьма важным является для ряда младописьменных языков народов СССР вопрос о написании заимствованных слов. Русские слова, а также и международные слова, проникающие в языки народов СССР через русский язык и часто в русском же орфографическом или фонетическом облике, органически входят в словарный состав этих языков, подчиняясь всем фонетическим и лексикограмматическим нормам и подпадая под действие внутренних законов развития заимствующих языков. Само собой разумеется, что орфографический и фонетический облики заимствованных из русского языка многочисленных слов не могут не иметь большого значения для развития национальных языков нашей страны, — это особенно касается важнейшей части научной, общественно-политической терминологии (коммунизм, ленинизм, большевизм, марксизм, революция и т. д.) и собственных имен выдающихся исторических деятелей (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Пушкин, Горький и т. д.), передаваемых в орфографии языков советских социалистических наций по возможности в русском орфографическом облике.

Не может быть двух мнений по поводу безусловной необходимости при орфографировании заимствованных слов и терминов всемерно соблюдать действующие в данном заимствующем языке внутренние законы фонетического и лексико-грамматического развития и соответствующие этим законам определенные нормы. Так, учет этих внутренних законов развития и действующих в данном языке фонетических и лексико-грамматических норм при орфографировании заимствованных русских существительных и прилагательных можно было бы показать на примере того, что мы находим в бурят-монгольском и алтайском литературных языках.

В бурят-монгольском литературном языке при заимствовании русских существительных отбрасываются родовые окончания *-я, -е*, что и отражается в орфографии этого языка: *революци — революция, общежити — общежитие, парти — партия*. В алтайском же литературном языке эти родовые окончания сохраняются: *революция, партия, общежитие*. Такое различное оформление русских заимствований в обоих названных языках вытекает из особенностей последних: в бурят-монгольском языке, в котором ударение падает на первый слог, гласные последнего слога обычно выпадают; в алтайском же языке ударение, наоборот, падает, как и во всех тюркских языках, на последний слог. Поэтому бурят-монгольское написание типа *революци* и алтайское оформление типа *революция* являются вполне оправданными с точки зрения действующих в названных языках фонетических и лексико-грамматических (отсутствию категория грамматического рода) норм.

В силу тех же фонетических и лексико-грамматических норм по-разному оформляются в тех же языках русские прилагательные, заимствованные в ходе совместной жизни бурят-монголов и алтайцев с русским народом. В бурят-монгольском языке окончания заимствованных русских прилагательных подвергаются соответствующим изменениям, подчиняясь нормам сингармонизма гласных: *национальна — национальный, экономическэ — экономический, партийна — партийный, объективнэ — объективный* и т. д. В алтайском же языке эти же прилагательные усвоены лишь в форме мужского рода: *коммунистический партия — коммуни-*

стическая партия, автономный область — автономная область и т. д. Все же в решении вопроса об орфографии заимствованных из русского языка слов в ряде национальных республик и областей существует разнобой, разногласия и даже путаница. Основное разногласие касается орфографии заимствованных слов в тех случаях, когда фонетические особенности заимствующих языков существенно отличаются от фонетического строя русского языка. Это особенно относится к тем языкам, в которых, в отличие от русского языка, господствует сингармонизм гласных и отсутствует стечение нескольких согласных в одном и том же слове, что характерно главным образом для тюркских и монгольских языков. Для этих языков встает, например, вопрос, как орфографически передавать такое слово, как «трактор». В соответствии со звучанием этого слова, скажем, в бурят-монгольском языке мы должны были бы иметь написание в виде *тараактар*, так как в этом языке, во-первых, в начале слова нетерпимо стечение согласных *тр*, во-вторых, русское ударяемое *а* передается через долгое *а*, орфографически обозначаемое удвоенным написанием *аа*, и, в-третьих, по закону сингармонизма гласных *о* в последнем слоге должно отразиться в виде *а*. Поэтому с точки зрения общих фонетических норм бурят-монгольского языка вполне оправданным было бы написание данного слова именно в виде *тараактар*. Между тем в бурят-монгольском литературном языке принято написание в виде *трактор*, т. е. в русском орфографическом облике, и против этого неразумно и нецелесообразно возражать. Аналогичные явления мы наблюдаем и в орфографии многих других литературных языков народов СССР, и вокруг подобных явлений до сих пор время от времени идут споры, носящие очень часто абстрактно-схоластический характер. Резко выступили две крайние, полярные точки зрения.

Сторонники «чистоты» заимствующих языков полагают, что русский орфографический облик вообще не может быть учитываем. Орфография того или иного национального языка, по их мнению, не может иметь отношения к орфографии русского языка или в какой-то степени примешивать ее к своей системе. Ведь, произнося заимствованное слово на свой национальный лад, носители данного языка не всегда могут узнать это слово, если оно будет облечено в русскую орфографическую форму на письме. Сторонники сохранения русского орфографического облика заимствованных слов указывают на то, что отклонение от этого облика, во-первых, ведет к отрыву заимствующего языка от русского языка (что соответствовало бы устремлениям буржуазных националистов) и, во-вторых, такой отрыв будет вредить усвоению русского языка в нерусских школах. Дети в этом случае вынуждены бывают усваивать написание данного слова в двух разных и противоречивых обликах — национальном и русском.

Решение этого сложного вопроса не может быть одинаковым, стандартным для всех языков, хотя несомненно наличие общей тенденции к сближению орфографического облика заимствуемых из русского терминов и собственных имен с их русскими написаниями.

Необходим конкретный учет национальной специфики того или иного языка, внутренних своеобразий его фонетического и морфологического строя, культурной традиции, степени знакомства данного народа с русским языком. Во многих языках установилось различие в написании старых, досоветских, и новых, советских, заимствований из русского языка, тем более, что и самые смысловые сферы этих двух пластов заимствований очень далеки одна от другой. Например, в башкирском языке прежде освоенные русизмы изменили свою форму и пишутся по фонетическому принципу: *картуф* — *картофель*; *керишак* — *горшок*; *кирбес* — *кирпич* и т. п., слова же, взятые из русского литературного языка в советских

эпоху, главным образом общественно-политические и научно-технические термины, в своем корне или в основе сохраняют русское написание, а присоединяемые к ним аффиксы подчиняются грамматическому строю башкирского языка: *идея*, *идеялы* — *идейный*, *идеялылык* — *идейность* и т. д. Тот же принцип с соответствующими вариациями, зависящими от строя языка, применяется, например, и в осетинской орфографии. По отношению к некоторым национальным языкам, например молдавскому, армянскому, обсуждается вопрос о приближении написаний интернациональных терминов и собственных имен к русской орфографической норме и об отходе от западноевропейской традиции в их передаче (например, в армянском предлагается писать «Япония», а не «Джапония», «фраз», а не «фраз» и т. д.).

Вся совокупность этих вопросов должна подвергнуться углубленному дифференцированному по языкам исследованию — в свете сталинского учения о языке, о национальной специфике языков, о развитии их — без ломки коренных правил и норм, о взаимном обогащении языков социалистических наций в порядке сотрудничества. И наш журнал должен широко откликнуться на эти запросы и потребности разных народов нашей страны.

В данное время, когда во всех нерусских литературных языках русские заимствования советского периода в том или ином орфографическом облике бытуют уже не первый десяток лет, нет никакой почвы для абстрактно-схоластических споров о том, какой универсальный принцип орфографирования этих заимствований является более пригодным. Необходимо считаться с исторически уже сложившимся орфографированием, которое нуждается лишь в проверке и изучении того, в какой мере оно оказалось оправданным практически. Нет никакой необходимости в обязательном порядке производить неоправданную ломку существующей орфографии во имя ложно понятого принципа самобытности того или иного национального языка, как нет и никаких оснований для того, чтобы воздерживаться от необходимых коррективов, если в существующей орфографии имеется нечто такое, что оказалось неоправданным на практике и что мешает освоению и развитию грамотности на родном языке. Поэтому все внимание советских языковедов должно быть направлено на изучение того, в какой степени практически оправдало или не оправдало себя то или иное орфографирование заимствованных слов в том или ином конкретном языке.

7

Последователи Марра нанесли огромный вред развитию советских высших филологических учебных заведений и средней школы. В течение ряда лет, особенно в 1948 и 1949 гг., в наших вузах и школах усиленно внедрялось так называемое «новое учение» о языке.

Вузовские программы по языковедческим дисциплинам, учебники и пособия по «введению в языковедение», по «общему языкознанию» были несквозь пропитаны марровскими положениями. В них усиленно пропагандировались и квалифицировались как марксистские — воззрения Марра и его учеников, в особенности акад. И. И. Мещанинова. Русские лингвисты дореволюционной эпохи и все советские языковеды, не вставшие на марровские позиции, объявлялись реакционерами, идеалистами. Темы спецсеминариев, курсовых и дипломных работ по всем отраслям языкознания были полностью связаны с «новым учением» о языке, были направлены на его раскрытие и «развитие».

Студенты почти не знакомились с работами выдающихся наших отечественных дореволюционных и советских языковедов. Они воспитывались

в атмосфере отрицания подлинной истории того или иного языка, замененной последователями акад. Марра «теорией единого глоттогонического процесса» и различными измышлениями о материальности его течения. Они почти не изучали конкретного языкового материала и могли проходить строгую лингвистическую школу лишь украдкой.

Не только освещение и изложение фактического материала было искажено, но и тот «метод лингвистического исследования», который внушался студентам, был порочен: студентов приучали к скороспелым и вульгарно-социологическим обобщениям, им прививалось презрение к языковым фактам, к глубокому знанию языка.

«Новое учение» о языке не могло распространяться силой своей внутренней логики, своего содержания, оно «насаждалось» арацкеевскими методами. Нигде, пожалуй, так не царствовала «аракцеещина», как в вузах. Студенты должны были безоговорочно, без малейших критических рассуждений, воспринимать преподносимые им «истины».

Вопрос о структуре филологических факультетов, факультетов языка и литературы разных институтов, о принципах подготовки лингвистических кадров является боевым, актуальным вопросом современности.

Однако не меньше высшей пострадала от «нового учения» о языке и средняя школа. Учителя были запутаны, дезориентированы патентованными и избалованными проповедниками «нового учения» о языке. Основным «теоретическим руководством» для преподавателей языков явилась работа акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи». Она широко популяризировалась в многочисленных статьях и руководствах, в программах и методических письмах²². Все эти руководящие пособия для преподавателей средней школы требовали «семантического» анализа предложения, «синтаксического подхода» ко всем языковым явлениям, а также исключительного внимания к «гнездованию слов» (по рецептам Е. Н. Петровой).

Смещение грамматики и лексики, увлечение семантикой, пренебрежение к морфологии приводило к тому, что грамматический строй и словарный состав языка не осваивались учащимися ни в теоретическом, ни в практическом плане. Недооценка ведущей роли грамматики в системе занятий по русскому языку имела следствием низкую грамотность учащихся. Грамматический разбор, один из важнейших методических приемов, помогающий ученикам овладеть грамматическим строем, подменялся так называемым смысловым анализом, ничего в сущности не дававшим детям и, во всяком случае, скорее уводившим от грамотности, чем приближавшим к ней.

Работы товарища Сталина по языкознанию положили предел безответственному хозяйничанью учеников Марра в вузах и школах. Перед советским языкознанием, а вместе с ним перед высшей и средней школой, открылась новая широкая дорога.

Воодушевленные трудами товарища Сталина работники высшей и средней школы с большим творческим подъемом принялись за перестройку преподавания языков и языкознания на основе сталинского учения о языке. Были пересмотрены вузовские программы по всем лингвистическим курсам, создана программа нового курса «Основы сталинского учения о языке», заново были составлены программы по основным теоретическим

²² См. статью В. И. Березина «Учение академика И. И. Мещанинова о синтаксических группах», «Русский язык в школе», 1948, № 6, статью Н. Г. Хромец «Лингвистические основы грамматического разбора», «Русский язык в школе», 1939, № 2 и мн. др.; см. методические руководства («Сборник статей по методике русского языка», под ред. В. А. Добросылова, изд. АПН, 1949, В. И. Лебедев, «О преодолении формализма в грамматическом разборе» и др.).

дисциплинам языковедческого цикла — по «Введению в языкознание» и по «Общему языкознанию».

Всесоюзное совещание преподавателей языковедческих дисциплин, созванное Министерством высшего образования, обсудило основные проблемы преподавания языкознания в свете сталинского учения. Был выпущен сборник под редакцией академика Виноградова «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». Сборник этот, хотя он и имеет ошибки и недостатки, много помог преподавателям языковедческих дисциплин. Его второе переработанное издание скоро выйдет в свет. Сданы в печать и готовятся учебники по различным курсам (по исторической грамматике русского языка, по современному русскому языку, по разным другим национальным языкам Советского Союза).

Коренным образом изменилась тематика дипломных и курсовых работ. В нее включено много тем, непосредственно вытекающих из сталинского учения о языке. Для всех студентов был прочитан курс «Основы сталинского учения о языке».

Но все это — только первые шаги на пути решительной перестройки преподавания языкознания в высших учебных заведениях. Важные вопросы подготовки новых языковедческих кадров, вопросы пересмотра учебных планов, вопросы разработки актуальной тематики диссертаций, специальных курсов и семинаров по разным отраслям языкознания почти не освещались в советской прессе. Им должно быть уделено подобающее место в нашем журнале.

Многие языковедческие программы, наспех переработанные, справедливо подверглись суровой критике и нуждаются в основательном пересмотре. Вопросы о новых принципах построения таких курсов, как история литературного языка, сравнительно-историческая грамматика родственных языков, история лингвистических учений и многие другие требуют широкого творческого обсуждения. Наиболее сложной задачей является быстрое создание теоретически полноценных, содержательных учебников по всем отраслям языкознания. До сих пор еще нет новых учебников по современному русскому языку, по истории русского литературного языка, по исторической грамматике русского языка, по общему языкознанию, по многим родным языкам народов Советского Союза. В лекциях преподавателей высшей школы сталинские положения иногда связываются механически с конкретным лингвистическим материалом. За кратким теоретическим введением следует, например, изложение курса современного русского синтаксиса «по Шахматову», «по Пешковскому», и зависимости от склонности лектора. Творческие дискуссии по основным вопросам советского языкознания еще не вошли в быт высшей школы.

И в университетах, и в педагогических институтах медленно изживаются тяжелые последствия засилья «нового учения» о языке, последствия господства аракевевского режима.

В ряде вузов разработка нового плана научно-исследовательской работы, которая в первую очередь должна отвечать нуждам высшей школы, свелась только к исключению из планов тем марковского характера. Между тем широкое развертывание научно-исследовательской работы лингвистических кафедр — необходимое условие общего улучшения преподавания лингвистических дисциплин в вузе.

До сих пор еще не разработана рекомендательная тематика исследований по языкознанию.

Успешное составление программ и учебников полностью зависит от разрешения основных теоретических проблем, поставленных перед советским языкознанием трудами товарища Сталина. Ряд очень сложных и непростых вопросов возникает в связи с разработкой разных проектов

программы и подготовкой учебника по курсу общего языкознания. Критика идеалистических теорий, разделы науки о языке, их содержание (место и содержание семасиологии, словообразования, фонетики), точная и полная характеристика отношений лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса, конкретно-историческое освещение вопроса о соотношении основного словарного фонда и словарного состава в их развитии, проблема отношений литературного и народного языка в разные эпохи истории общества, способы усовершенствования сравнительно-исторического метода и другие темы и проблемы общего языкознания у нас еще недостаточно глубоко исследованы. Пока еще небогаты и содержательными научно-популярными статьями по этим вопросам. Необходимы для преподавателей вузов критические материалы по истории различных лингвистических теорий прошлого и настоящего, необходимы критические разборы концепций и отдельных работ крупнейших русских и зарубежных языковедов, оказавших влияние на развитие лингвистической науки.

Перед авторами программ и учебников по истории языков остро встает проблема периодизации, связанная с вопросом о внутренних законах развития языка. Большие затруднения встречаются и те, кто работает над курсами грамматики: особенно много проблемного, неизученного в синтаксисе (определение понятия предложения, в связи с этим — классификация предложений, синтаксис словосочетаний).

Наш журнал должен организовать широкое обсуждение содержания и постановки основных лингвистических дисциплин в русских и национальных вузах, дать направление научно-исследовательской лингвистической работе в университетах и педагогических институтах.

Большая работа по перестройке методов обучения языкам развернулась в средней школе.

Объединенная сессия Отделения литературы и языка АН СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященная трудам товарища Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в советской школе, прошедшая в ноябре 1950 г., разоблачила основные ошибки в работе преподавателей языков в средней школе и наметила пути коренной перестройки ее. Был организован целый ряд мероприятий, помогающих учителям реализовать решения сессии.

Прочитано много лекций, докладов, выпущены исправленные программы, методические письма о преподавании русского языка. Возрос интерес к вопросам орфографии и к методике обучения правильному, грамотному изложению. Появились в свет переработанные и новые пособия по теории и методике правописания²³. Вышел из печати комплект наглядных таблиц по грамматике и орфографии; скоро выйдут еще два. Большое значение имеет выпуск нового переработанного издания орфографического словаря Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова: это — одно из важных средств так давно ожидаемой учительством унификации правописания и введения единого орфографического режима. Заново переработаны программы для педагогических училищ и составлено методическое письмо к ним.

Впервые в истории нашей школы составлены программы по русскому языку для VIII—X классов (скоро выйдут в свет пособие, приспособленное к этой программе).

²³ Например, «Основы русской орфографии» А. Н. Гвоздева, «Русское правописание» А. Б. Шапиро, «Методика пунктуации» С. И. Абакумова, переработанная Е. И. Кореньевским, «Обучение орфографии в школе» М. В. Ушакова, «Упражнения по орфографии» — его же.

Написано несколько статей и брошюр по словарной работе в школе. Но самостоятельных исследований и руководящих статей, посвященных вопросам изучения грамматического строя в школе с точки зрения сталинского учения о языке, почти нет. Остро стоит вопрос о новом учебнике русского языка для средней школы.

Всероссийское совещание учителей русского языка (29 января — 2 февраля 1951 г.), материалы, подводящие итоги года работы после выхода в свет трудов товарища Сталина, республиканские и областные конференции и совещания преподавателей языков показали, что перед школой стоит еще целый ряд неразрешенных вопросов в области преподавания русского языка и других национальных языков. Это — те же вопросы, которые волнуют преподавателя высшей школы: взаимоотношение лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии, место семасиологии, фонетики, словообразования в общей системе языкознания, многие практические вопросы соотношения основного словарного фонда и словарного состава, вопросы историзма в школе, принципы анализа языка и стиля художественных произведений.

Учительство нуждается в большой теоретической помощи. Но эта теоретическая помощь должна иметь конкретный характер: основные теоретические положения нужно раскрыть на конкретных языковых темах, вошедших в школьную программу. Учителя затрудняет конкретизация, практическое применение изученных и освоенных им общих принципиальных положений марксистского языкознания. Учителя волнуют, например, такие вопросы: как классифицировать предложения, как определять второстепенные члены предложения и как объяснять не укладывающиеся в их схему типы синтаксических связей, каково соотношение и взаимодействие членов предложения и частей речи, как увязать морфологический материал с синтаксическим, какое место отвести анализу состава слов, как понимать и объяснить роль звуковой системы языка в его структуре, как анализировать язык данного художественного произведения, каково различие между языком и стилем писателя. Множество других вопросов встает перед учителем, и далеко не на все из них он может найти удовлетворительные ответы в наших методических журналах — так бедны они статьями, освещающими конкретные вопросы с общетеоретических позиций марксистской науки о языке.

Некоторые учителя делают неправильные выводы из критики марристекого влияния на школьную практику; недооценивают лексические занятия, не заботятся об осмыслении учащимися разбираемого текста, опасаясь увлечения семантикой, членят при анализе предложения неразделимые словосочетания, стремясь все разбирать пословно, не занимаются как называемой «корнесловной» работой, т. е. изучением морфологического состава слов и их морфологических, словообразовательных связей и соотношений.

Одна из самых важных задач советского языкознания — помочь перестройке преподавания русского языка в нерусских школах. Нужно поднять в них преподавание русского языка на должный научный уровень.

Необходимо преодолеть все еще существующий разрыв между научной и школьной грамматикой. К этому многие привыкли и считают это нормальным положением вещей. Например, всем известно, что традиционная догматическая схема второстепенных членов предложения, преподаваемая в школе, не соответствует уровню современной науки, что классификация предложений, особенно сложных, в школьном учебнике смешивает разные признаки предложения и т. д. Между тем «упрощение материала» может привести к искажениям и вульгаризаторству. От-

ответственность за это в значительной мере несут наши научно-исследовательские учреждения, не помогающие методистам и учителям разобраться в спорных и нерешенных вопросах грамматики.

Крупнейшие русские лингвисты и методисты: Буслаев, Ушинский, Срезневский, Фортунатов, Шахматов, Щерба и другие, констатируя разрыв между школьной и научной грамматикой, призывали к ликвидации этого разрыва, к построению школьной грамматики на научных основах. Сталинское учение о языке не может не найти отражения в руководствах по языкам для средней школы.

В большой работе, которая разворачивается сейчас по пересмотру школьных программ и учебников по русскому языку, обязаны принять участие и лингвисты-теоретики.

Помощь лингвистов-теоретиков необходима и в вопросах развития речи учащихся. Период пребывания в школе — период, в который в основном формируются речевые навыки. Чтобы влиять на развитие речи учащихся, нужно знать общие тенденции и закономерности развития речи ребенка, нужно иметь знакомство с научными основами психологии речи в детском возрасте, а также с лингвистическими исследованиями в области изучения языка ребенка и подростка. К сожалению, этими вопросами у нас до сих пор занимаются недостаточно. Нет крупных монографий и мало даже серьезных статей на данную тему (кроме двухтомного исследования А. Н. Гвоздева с очень спорными положениями).

Требуют углубленного изучения и теоретического освещения процессы овладения речью у глухонемых и умственно отсталых детей.

Организовать широко, планомерно, с советским размахом и глубиной эту работу должна Академия педагогических наук, но теоретическую помощь должны оказать и языковеды, специалисты по вопросам общего языкознания.

Наш журнал должен поставить и осветить самые актуальные для школьной практики теоретические проблемы языкознания.

Так широки и разнообразны задачи советского языкознания. ими определяются и задачи нашего журнала. Они все подчинены одной главной цели — внедрить марксизм в науку о языке, сделать советское языкознание достойным великой Сталинской эпохи. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» — великий образец творческого марксизма, он — программа творческого развития нашей науки, неиссякаемый источник глубоких мыслей и указаний для всех языковедов мира. Он — знамя нашего журнала и его путеводная звезда.

